

ЛИЯ АРДЕН.

18+

ВОГЛАВЕ РАЗДОРА

НИТИ СУДЬБЫ 1

Лия Арден
Во главе раздора
Серия «Нити судьбы», книга 1
Серия «Охотники за мирами.
Бестселлеры Лии Арден»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087657

*Во главе раздора:
ISBN 978-5-04-191659-6*

Аннотация

Новый цикл Лии Арден «Нити судьбы».

Первая книга трилогии городского фэнтези с авторским мироустройством, с опорой на древнегреческую мифологию богов первого поколения.

«Во главе раздора» – новый виток творчества Лии Арден. Больше свободы в истории, больше решимости в героях, больше дерзости в тексте. И детальная проработка всех нюансов, где каждая мелочь играет роль, – сильная сторона Лии.

Суперпопулярный цикл «Смерть и Тень», рассказывающий о Марах и Мороках, завоевал любовь у сотен тысяч читателей, а суммарные тиражи всех книг уверенно приближаются к миллиону экземпляров.

Греческая мифология и неон мрачных улиц, дружба и предательство, отважные герои и мерзкие чудовища, тайны прошлого – и, конечно, любовь!

Издание дополнено внутренними иллюстрациями от художницы AceDia.

Содержание

Плейлист	6
1	8
2	17
3	27
4	45
5	86
6	101
7	122
8	135
9	157
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Лия Арден

Во главе раздора

© Арден Л., текст, 2023 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плейлист

Imagine Dragons – Enemy

Saint Chaos – Blind spot

League of Legends & PVRIS – Burn it all down

Deelyle – Devil's den

Bring me the horizon – in the dark

Lowborn – Dark inside

Jeninngs Couch – Chemical roulette

Jaymes Young – Infinity

PVRIS – Anyone Else

Saint Chaos – Take out the trash

Citizen Solider & Royal Bliss – Through hell

Justine Skye – Collide (feat. Tyga) [Speed up Remix]

Ночь родила ещё Мора ужасного с чёрною Керой. Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений. Мама потом родила и Печаль, источник страданий, И Гесперид, – золотые, прекрасные яблоки холят За океаном они на деревьях, плоды приносящих. Мойр родила она также и Кер беспощадно казнящих. [Мойры – Клофо именуются, Лахесис, Атропос. Людям Определяют они при рожденье несчастье и

счастье.]

Гесиод. «Теогония»¹

¹ Текст приводится по изданию: Эллинские поэты VII–III вв. Вересаева. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. Перев. В. В. Вересаева. М.: Ладомир, 1999 г.

Санкт-Данам, 2032 год с момента объединения трёх миров

Не обращая внимания на разговоры, привычным движением я вставила ствол в затвор, за ним установила возвратную пружину, присоединила затвор к раме, оттянула назад в крайнее положение и отпустила, полностью собрав пистолет. Прежде чем вставить магазин с патронами, проверила, что всё работает верно.

– Держи, – сказала я, протягивая Сирше оружие рукоятку вперёд. Подобные действия я совершала сотни раз, поэтому растерялась от искреннего шока на лице подруги. – Что?

– Проклятье, Кассия, – пролепетала побледневшая Сирша. – Ты меня немного пугаешь. Эти штуки убивают, а ты собрала его и глазом не моргнув.

Я хмуро покосилась на трёх притихших посетителей стрелкового клуба. Молодые парни прекратили болтать и с интересом рассматривали меня с головы до ног. Один из них расплылся в улыбке, когда наши взгляды встретились. Я нахмурилась, едва сдержав желание поморщиться. Девушка, работающая в таком месте и собирающая пушки быстрее многих мужчин, вызывает у последних странную реакцию, которая временами раздражает до зуда на коже. На мне простые голубые джинсы, светлые кроссовки и чёрная толстовка.

ка. Было бы на что паялться.

– Меня беспокоит твоя подработка здесь. Неужели Руфус не может поставить тебя за кассу? Сделать администратором, например, – недовольно пробубнила Сирша и, с трудом пряча брезгливую гримасу, взялась за рукоять пистолета.

– Не прикидывайся, ты знаешь, как держать ствол, – строго напомнила я, не восприняв её жеманство всерьёз.

– Рукоять наверняка грязная. Сколько людей сегодня его перетрогали?

– Нисколько. Этот чистый.

Я фыркнула, когда Сирша расслабилась и сразу взяла оружие увереннее.

– Неужели это госпожа чистюля?! – встрял знакомый голос.

Сирша сокрушённо вздохнула и закатила глаза, я улыбнулась, прислонившись плечом к перегородке. Руфус встал с другой стороны, скопировав мою позу и сложив руки на груди. Ему слегка за сорок, бывший военный, достаточно высок и, несмотря на обилие потребляемого фастфуда, в отличной форме. В каштановых волосах и короткой щетине нет и намёка на седину. Руфус – владелец стрелкового клуба «Подворотня» и мой начальник.

Идиотское название, он сам это признаёт. Как-то раз, перебрав виски, он проиграл в карты право придумать наименование клуба своим военным друзьям. Прошло более десяти лет, и то ли из-за ностальгии, то ли привыкнув, менять

вывеску он не стал. Решил, что она под статью местному району, который действительно нельзя было назвать благополучным.

С переходом на третий курс университета, мне срочно понадобилась новая подработка, подходящая под изменившееся расписание. К сожалению, места, предоставляющие свободный график, можно было по пальцам пересчитать, и стрелковый клуб «Подворотня» сперва произвёл худшее впечатление. Да и я сомневалась, что подойду, так как об огнестрельном оружии знала мало, но Руфус не увидел в этом проблемы. Так мы и познакомились полтора года назад, а на первый взгляд суровый военный оказался славным.

– Давненько не виделись. А это что у тебя? Оружие? Неужели решила пристрелить сосунка, который кинул тебя после третьего свидания? – сладким голосом поинтересовался Руфус и скорчил трагичную мину, передразнивая гримасу Сирши.

– Очень смешно, – парировала она. – И это я его бросила.

– Конечно, куколка.

– Прекрати меня так называть, лучше отмой грязь со стен. – Сирша выразительно кивнула на неоновые граффити.

Начальник бросил взгляд себе за спину и, повернувшись обратно, театрально изобразил оскорблённое выражение лица.

– Это искусство, куколка. Хотя и посредственное.

– Мой пистолет заряжен? – деловито уточнила у меня

Сирша.

– Да, – ответила я раньше, чем поняла намёк.

Подруга с притворной угрозой направила дуло в левую ступню Руфуса. Несмотря на безопасность оружия и два автоматических предохранителя, третий и основной находится как раз на спусковом крючке. Зная о вероятности необдуманного нажатия, начальник отошёл чуть назад, а с его лица мигом сошла вся спесь. Я схватила ствол и отвела в сторону мишеней.

– У неё палец не на спусковом крючке, – торопливо завершила я Руфуса.

– Если причина не твой бывший, то с чего такая честь моему заведению? – Руфус попытался вернуться к шуточному диалогу, но голос оставался напряжённым.

Ему нравилось то ли заигрывать с Сиршей, то ли изводить её кличками и насмешками, потому что злилась она действительно забавно.

Сирша Кейн – моя лучшая подруга, почти сестра. Мы вместе снимаем квартиру и учимся в одном университете, только Сирша на год старше и в ближайшие месяцы окончит последний пятый курс².

Руфус не просто так дал моей подруге прозвища «чистюля» и «куколка». Сирша на дух не переносит беспорядок, она из тех, кто хранит в сумке салфетки не только для рук, но и чтобы попавшую на туфли грязь незамедлительно стереть.

² В нынешнем мире получение высшего образования длится пять лет.

Поэтому граффити на серых стенах вызывают у неё недоумение, а старые упаковки из-под быстрорастворимой лапши – гримасу отвращения. Руфус выкидывает их из единственного здесь кабинета, лишь когда составленная из контейнеров башня начинает опасно покачиваться.

Прозвище «куколка» Сирша получила из-за очаровательного лица и длинных волос. Натуральный светло-русый цвет подруга осветляет и перекрашивает в модное «розовое золото». Вместе с большими голубыми глазами, стройной фигурой, любовью к платьям и каблукам она правда похожа на куклу.

– Кассия хочет, чтобы я научилась стрелять, – пожаловалась Сирша в ответ, а тёмные брови Руфуса взлетели вверх.

– Ты живёшь в Санкт-Данаме и не умеешь стрелять? Кас, ты же говорила, что купила пушку, – не дождавшись ответа Сирши, спросил он у меня.

Руфус начал сокращать моё имя до трёх букв уже через неделю после нашего знакомства. Меня это порядком раздражало, пока я не поняла, что прозвища Руфус даёт исключительно тем, кто ему нравится.

– Купила, поэтому и привела Сиршу, чтобы она попрактиковалась.

– Что купила?

– «Глок-19».

Руфус удовлетворённо кивнул, а Сирша возмущённо завертела головой: наличие пистолета в доме её шокировало.

– Дала ей «Глок-17» потренироваться. Разница минимальная, подойдёт, – намеренно игнорируя подругу, добавила я.

– Хороший выбор, – одобрил Руфус и посмотрел на Сиршу, став серьёзнее. – Привыкай к весу оружия, куколка. Ты живёшь в Санкт-Данаме. Прекрасный город. Может, лучший из тех, что сейчас существуют, но и самый опасный. Сама знаешь почему.

Руфус закатал правый рукав рубашки, демонстрируя свой ахакор – обязательную татуировку от запястья до локтя.

Ахакор есть у каждого, различаются татуировки разве что дизайном и используемым при её создании металлом. У богатых чернила смешаны с золотой или платиновой пылью, представители среднего класса способны оплатить чернила с серебром, а самые бедные выбирают медь, латунь, железо или олово. У Руфуса узор мерцает серебром при каждом движении руки. У меня и Сирши – медь.

– Ахакор, – напомнил Руфус, тыча в свою татуировку, – защитит твои мозги, а пушка от посягательств на тело. Вроде ты давно совершеннолетняя, куколка, пора научиться. Толку хранить ствол, если не умеешь им пользоваться?

Я уверенно кивала в такт наставлениям Руфуса, губы невольно растянулись в довольной улыбке, но приятное ощущение оборвалось из-за прикосновения к моему плечу. Пульс моментально подскочил, и тело дёрнулось, чтобы уйти от возможной опасности. Шаг вперёд был таким резким, что,

обернувшись, я чуть не врезалась в Сиршу. Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы паническая пелена сошла и зрение прояснилось.

– Извините, – сказал молодой человек, один из посетителей. Ранее я объяснила им технику безопасности, а затем оставила ознакомиться с остальными правилами заведения и подписать бумаги, подтверждающие, что они совершеннолетние и осознают риски при неаккуратном обращении с оружием. – Мы всё прочитали. Вы могли бы помочь нам собрать винтовку?

– Я принесла вам собранную.

– Мы её разобрали.

Я нахмурилась, тревожный пульс не позволил быстро оценить намёк и заинтересованные взгляды его дружков.

– Ничего, парни, – встрял Руфус, уложив широкую ладонь мне на плечо. – Я вам соберу. И не просто соберу, но и вас научу. Да так, что вы с закрытыми глазами сможете повторить.

Улыбка начальника стала довольной и угрожающей, он отодвинул меня в сторону, и предложение троицы, наконец, стало очевидным.

При приёме на работу Руфус предупреждал, что девушка в стрелковом клубе может получать излишнее внимание, но я не понимала его тревог, пока меня не попытались облапать в первый же месяц. Тому мудаку я заехала прикладом винтовки в живот и добавила ударом ноги.

Несмотря на устроенные неприятности, Руфус встал на мою защиту и, кажется, сломал крестину нос. Я была пострадавшей, но полиция не посчитала приставания достаточным аргументом для нанесения увечий обидчику. Нам с Руфусом пришлось оплатить штраф и медицинские счета того при-дурка. Начальник оказал мне неоценимую поддержку. Спер-ва боялась, что он выгонит меня, предпочтя избавиться от проблем, однако Руфус заверил, что у него раньше работали девушки и подобные ситуации не приносили ему критичных убытков, иногда, наоборот, присутствие девушки помогало привлечь в клуб женщин, которые чувствовали себя таким образом в большей безопасности. С момента первого проис-шествия я стала осторожнее с посетителями, хотя скверные инциденты продолжали случаться.

– Разберись с куколкой, Кас, и пообедай. Я принес бургеры. И, кстати, крутая стрижка. Мне нравится, – напоследок бросил Руфус и пошёл разбираться с троицей, которая уже не выглядела столь воодушевлённой.

Я невольно подняла руку и коснулась кончиков волос. Сегодня утром обрезала ровное каре чуть выше плеч. Думала, Сирша завопит, увидев, но вместо этого она с энтузиаз-мом предложила перекрасить мой натуральный пшеничный блонд во что-нибудь дерзкое. Я отказалась, не желая мучить-ся с отрастающими корнями. К тому же мне нравилось со-четание светлых волос с моими карими глазами.

– Хотя это место и помойка, но Руфус всё-таки ничего, –

серьёзно подметила Сирша. – Ты говорила ему о своих проблемах?

Я покачала головой. Я не нервная, но, если кто-то заставит меня врасплох, могу отреагировать излишне резко. Однажды оставила Сирше болезненный синяк: двинула локтем из-за того, что она подкралась, пока у меня на голове были наушники.

– Значит, сам догадался, – пришла к выводу Сирша. – Смотри-ка. Отвлёк тебя фразой о причёске. Он молодец.

Я сосредоточилась на сердцебиении. Оно действительно успокоилось, а тревога незаметно исчезла из-за переключения на мысли о бургерах и волосах.

– Полтора года, а ты ему уже доверяешь? – усмехнувшись, бросила я.

– Это вряд ли. Такие, как мы, никому не доверяют, – со всей серьёзностью сказала подруга, но после натянуто улыбнулась, скрыв настороженность. – Так как эту штуку снимать с предохранителя?

Я скопировала её улыбку и пальцем указала на спусковой крючок, напомнив об автоматическом реагировании при сознательном нажиме.

Сирша права. Такие, как мы, выросшие в приюте, никому не доверяют.

Я устало зевнула, покинув стрелковый клуб, расположенный в подвальном помещении. Поднялась по лестнице, чтобы оказаться во дворе между домами, и через арку вышла на улицу. Сегодня Руфус отпустил меня пораньше, за час до заката. Но в загруженный период или по выходным часто приходилось работать допоздна, и тогда начальник подвозил меня на машине до дома. Я не раз отказывалась, но он постоянно бубнил, что опасно девушке в темноте ходить одной. Мне была приятна эта незнакомая забота, хотя вначале сильно смущала.

Выйдя на оживлённую улицу, я зажмурилась от ярких солнечных лучей. Те отражались от многочисленных стеклянных высоток, заставляя здания сверкать золотыми и оранжевыми оттенками. Весна выдалась тёплая. Началась всего две недели назад, но снег сошёл, а температура поднялась так непривычно высоко, что раньше времени удалось сменить тёплую куртку на кожаную. К счастью, от работы до нашей с Сиршей квартиры всего сорок минут спокойным шагом. Мимо пронеслись машины, я свернула налево, но не заметила засмотревшегося в телефон прохожего. Незнакомец задел меня плечом. От столкновения я покачнулась, молодой человек обернулся, сбитый с толку внезапным препятствием.

Я открыла рот, но не смогла что-либо выдать, опустив глаза к закатанным рукавам его тёплой толстовки. Его ахатор мерцал серебром, но внимание привлекла почерневшая кожа вокруг татуировки. Парень лишь выглядел человеком.

– Извини, – бросил незнакомец и пошёл дальше.

Теневой.

Может, конечно, и лучезарный, но из них лишь единицы живут среди людей.

Не стоило пялиться. Я видела теневых каждый день, но чаще на расстоянии. Парень специально демонстрировал окружающим татуировку, зная, что люди будут его сторониться. «Не стоило пялиться», – вновь напомнила я себе, но почему-то продолжала стоять, задумчиво провожая незнакомца взглядом, наблюдая, как остальные огибают его по дуге.

2032 года назад произошло объединение трёх миров, полностью изменившее будущее. Это называется «объединение», однако на деле скорее открытие, которое, судя по учебникам истории, первую сотню лет было весьма кровопролитным.

Наша планета в основном покрыта морями и океанами, но пяти континентов и бесчисленного количества островов достаточно для существования. Я живу на самом крупном материке, и в древности, до открытия двух других миров, здесь располагались десятки разных стран, но все границы были стёрты, а человечеству пришлось сплотиться, чтобы дать до-

стойный отпор.

До объединения люди не знали ни тeneвых, ни лучезарных. Были единственными разумными созданиями на планете и искали подходящее для развития топливо. Они уже тогда знали про древесину и уголь. Знали даже про газ и нефть, но не имели технологий для их извлечения, поэтому брали, что само вырывалось наружу. В тот период общество прошло несколько стадий развития культуры, политики и религии. Политеизм сменился монотеизмом и верой в Единого Бога. Однако была группа исследователей, прозвавших себя *кимитами*. Они развивали иную философию и уделяли внимание сверхъестественным силам, искали доказуемые проявления магии и новые виды энергии, верили, что ключ к ним крылся в молниях, которые словно заколдованные с периодической регулярностью били в одно и то же место, в металле и в зеркалах.

Кимитов поднимали на смех, язвительно шутили о том, что их попытки поймать молнию нелепы и бесполезны. Их нарекли глупцами и сумасшедшими, когда те принялись строить зеркальные монолиты с металлической сердцевиной. В своих экспериментах они выставляли одиннадцать таких обелисков в математически просчитанный круг. Они действительно намеревались поймать и удержать стихию.

Люди смеялись, когда те раз за разом терпели неудачи, а некоторые из них умирали из-за близкого удара молний. Никто не останавливал кимитов, так как они никому не угро-

жали и не причиняли вреда, чаще умирали от собственных опытов.

Десятилетиями ничего не выходило, пока среди них не появился Данам. В наши дни кто-то зовёт его математическим гением, другие величают святым, а третьи посланником тёмных сил. Что бы ни говорили, но именно ему удалось выстроить монолиты в идеально подходящей последовательности.

Как-то раз, весенней ночью разразилась гроза в нужном месте, и молния ударила в один из зеркальных обелисков, отразилась, оставив часть своей энергии, попала в следующий, а потом ещё и ещё. Ровно десять монолитов наполнились светом. Одиннадцатый же оказался повреждён. Свидетели записали, что последний столб пожрал молнию. Почернел и взорвался, разлетевшись на мелкие осколки.

Несмотря на провал с одним зеркальным обелиском, целых десять сверкали, заряжённые. Это был успех, но вовсе не тот, на который рассчитывали Данам и остальные кимиты, потому что извлечь собранную энергию они не смогли. И всё же эксперимент привлёк внимание многих правителей. Сперва никто не решался перемещать монолиты, предпочтя расположить исследовательский город рядом с местом эксперимента. Тогда никому и в голову не пришло, что в итоге временное поселение перерастёт в наиважнейший мегаполис и будет назван в честь Святого Данама. Хотя святым ему удалось стать намного позже, так как из-за его откры-

тия наша планета стала полем для войны между двумя другими мирами, имевшими длинную историю, полную взаимной неприязни.

Сочетание точной математической формулы, энергии молнии, металла и стекла создало проходы. Десять светящихся обелисков, работая исключительно в близстоящей паре, открыли пять путей в мир под названием *Даория*. Существа, внешне похожие на людей, именовали себя *даориями*, но верующие в Единого Бога, увидев, как те вышли из ослепительного света, возвели их чуть ли не до уровня ангелов и посланников Всевышнего, прозвав *лучезарными*. Сейчас только группы фанатиков по-прежнему видят в них ангелов, но определение «лучезарные» прижилось. С прекрасными ликами и спокойным мудрым нравом даории действительно произвели впечатление лучшей и более развитой версии человечества, но следом за ними появились *теньевые*.

Одиннадцатый монолит оказался не уничтожен, он просто рассыпался на сотни осколков, а те потерялись в земле, открыв путь в мир под названием *Палагеда*. Нашим предкам почудилось, что *палагейцы* возникли из недр земных, поэтому к ним сразу отнеслись с подозрением и, возможно, весьма справедливо нарекли порождением греха, именуя *теньевыми*, так как они вылезли будто из ночного мрака, хотя внешне, по красоте, палагейцы ничем не отличались от даориев.

К несчастью для наших предков, теньевые и лучезарные происходили из единого народа, а вследствие разделения и

конфликтов стали непримиримыми соперниками или даже врагами. При их встрече 2032 года назад началось именно то, что, по их словам, случалось всегда – война, они использовали наш мир в качестве поля боя.

Так развязалась многолетняя битва «Света и Тени». Наши города горели, страны исчезали, люди умирали сотнями, оказавшись между двух огней.

Даории и палагейцы превосходили любого человека силой, ловкостью и продолжительностью жизни. Они никак не использовали людей, воспринимая тех частью примитивной фауны. Не брали в расчёт их судьбы, желания и попытки создать цивилизацию. Точно так же, как мы не спрашивали белок и зайцев, хотят ли те, чтобы на месте их леса построили город. Позднее выяснилось, что наш мир не первый, пострадавший из-за конфликта теневых и лучезарных.

Человечество очутилось на грани вымирания, а наши земли могли превратиться в пепелище. Люди попытались закрыть проходы, но удалось это лишь теневым. И то один раз. Те уничтожили два светящихся монолита, ведущих в Даорию, но осталось ещё восемь обелисков, то есть четыре портала. Однако люди ужаснулись, осознав, что связь с Даорией оборвать можно, а с Палагедой – нет. Что делать с разлетевшимся на части одиннадцатым монолитом, никто не знал. Чёрные осколки были разбросаны по слишком обширной территории, каким-то образом сохранив возможность прохода в чужой мир. Именно в тот момент отчаяния Данам

из первооткрывателя, сектанта и гения превратился в святого, потому что сплотил людей и нашёл защиту от теневых и лучезарных.

Металл.

Выяснилось, что состав наших сплавов отличается от металлов Даории и Палагеды. Наши стальные мечи, а позднее огнестрельное оружие убивали палагейцев и даориев с той же лёгкостью, что и любого человека. Поразительное открытие, но недостаточное для победы. Люди всё равно уступали более развитым представителям других миров.

По всем подсчётам войну «Света и Тени» нам было не пережить, но, дав неожиданный отпор, люди заинтересовали палагейцев и даориев. Наверное, заинтересовали так же, как если бы наши обезьяны внезапно принялись ковать мечи и разговаривать на едином языке, объединяясь в союзы. Возможно, теневые и лучезарные разглядели человеческое стремление к жизни и развитию, поэтому прекратили разорять нашу землю. Между собой они также пришли к перемирию, решив не просто дать людям шанс, но даже помочь, наградив благами, до которых мы додумывались бы тысячами, а может, и вовсе никогда бы не постигли.

Палагейцы даровали нам *зарев*о – нескончаемую безопасную энергию, циркулирующую по металлу. Такое название было объяснено тем, что изначально энергия передвигалась лишь по красным металлам, и её свет был алым или оранжевым, но спустя столетия палагейцам и даориям удалось раз-

работать сплавы для получения более комфортного белого света.

Однако зарево способно передвигаться только по металлам из их миров, поэтому даории внесли свою лепту и помогли проложить подземные магистрали, чтобы зарево свободно циркулировало по городам. Нам лишь смутно известны условия соглашения между тeneвыми и лучезарными, но они договорились не использовать нашу территорию для личных разборок. Сейчас мы являемся связующим пунктом между Даорией и Палагедой.

Санкт-Данам. Город Святого Данама, построенный на территории открытия новых миров. Круга монолитов уже не существует. Все оставшиеся светящиеся проходы перенесены в хорошо охраняемые места, а собрать чёрные осколки одиннадцатого монолита и переместить проход тeneвых так никому и не удалось, поэтому палагейцы охраняют его сами.

После окончания войны лучезарные стали меньше интересоваться людьми, разве что единицы поселились в Санкт-Данаме ради изучения здешней культуры. Конечно, были послы и представители, но они общались исключительно с нашим президентом и правящими партиями. Даориев, живущих среди обычных людей, до сих пор крайне мало.

Тeneвые же, напротив, с каждым десятилетием проявляли всё большее любопытство к нашему миру. Чем-то он им нравился, а из-за постоянно открытого прохода люди были вынуждены передать палагейцам примерно одну четвёртую

часть Санкт-Данама. Теневые сами контролируют, кто входит и уходит через портал, но подчиняются правилам, установленным нашим законодательством.

Из-за их присутствия нам разрешено иметь огнестрельное оружие. Этот факт держит теневых в рамках закона. Именно из-за палагейцев теперь всем приходится делать ахакор – металлическую татуировку. Она – оберег для людей от необычных способностей теневых.

Палагейцы не настроены воинственно, но само их присутствие пагубно влияет на людей. Они распространяют ауру, которая заражает людские души и отравляет грехом. Поэтому верующие в Единого Бога видят в них последователей дьявола. До сих пор фанатики считают их разносчиками пороков, и в целом...

...они абсолютно правы.

Разные теневые по-своему влияют на людей, пробуждая в них тот или иной тип греха: раздор, соблазн, гнев, чревоугодие и другие. Однако наличие ахакора оберегает людей от этого влияния. Защита удваивается, если и теньвым набивают такую татуировку. Количество вводимого в кожу пагубного для них металла мало для нанесения вреда здоровью, но достаточно, чтобы нейтрализовать силу их способностей. Единственное физиологическое последствие – вокруг татуировки образуется слабый химический ожог, кожа приобретает чёрный оттенок. Этот побочный эффект выделяет их из толпы и подтверждает, что здешние сплавы плохо совмести-

мы с их организмом. Ахакор они могут свести, но только если вернуться в родной мир.

Несмотря на все чарующие слухи о Даории и Палагеде, больше всего меня завораживает *Переправа*. Место, которое, по рассказам из учебников, похоже на сны.

Я вздрогнула от громких гудков и вернулась в реальность. Машина резко затормозила, чем привлекла внимание прохожих. Шины следующих автомобилей завизжали, когда и другим водителям пришлось ударить по тормозам. Владелец первой тачки высунулся и покрыл благим матом нескольких велосипедистов, попытавшихся проскочить перед ним на красный свет.

Я вновь бросила взгляд в спину теневого. Незнакомец уже скрылся из виду, но было ясно, что он направился на запад, в район, принадлежащий палагейцам. Существовало негласное предостережение: после захода солнца людям не стоит находиться на их территории. Поговаривают, что там во мраке творятся какие-то ужасы, и даже городские власти и полицейские не гарантируют безопасность на стороне теневых.

Поёжившись от порыва холодного ветра, я торопливо зашагала в сторону дома, вспомнив, что завтра у меня ранние пары и не мешало бы выспаться.

Повсюду пламя. Опалённые волосы скрутились, глаза слезились, а лёгкие сдавило от попавшего в них дыма. Огонь уже пожрал кровать, шкаф и всю имеющуюся мебель. Мне некуда бежать.

Пожар распространился волной по потолку.

Послышался чей-то вопль.

Я закричала в ответ, видя, что пламя почти добралось до правой руки, а следом кто-то рухнул сквозь потолок прямо на меня, и пол под ногами исчез.

Голова соскользнула с кулака, от мимолётного ощущения падения я пришла в себя. Резко проснулась и выпрямила ноги, задев стул впереди. Грохот тут же привлёк внимание профессора и остальных студентов. Я втянула голову в плечи, одними губами пробормотала извинения. Мистер Коллинз вновь повернулся к отвечающему студенту, чьё объяснение продолжило звучать где-то на фоне, не пробиваясь к моему сознанию. Во рту сохранился привкус копоти и дыма, а сердце билось где-то в горле. Я потёрла глаза, не понимая, каким образом задремала, ведь почти никогда не спала на лекциях профессора Коллинза.

Моя специализация «культура трёх миров». В университете я изучаю всё, что нам известно про тeneвых и лучезарных, а также про их взаимодействие с людьми. Сперва хоте-

ла поступить на переводчика с палагейского или даорийского. Востребованная профессия с высокой оплатой труда, но на экзаменах мне не хватило баллов и пришлось пойти на смежный профиль. На выбор дали учить только один из двух языков. Я остановилась на палагейском, но в целом они из общей речевой группы, позже, при необходимости, выучу и даорийский, так как невозможно понять чужую культуру без знания языка. Сейчас я неплохо читала на палагейском, но произношение хромало.

Я сосредоточила всё внимание на профессоре, отвлекаясь от дурного сна. Рен Коллинз – один из немногих людей, кому довелось не просто побывать в Даории, но и прожить среди лучезарных около пяти лет, собирая и структурируя информацию об их культуре и традициях. Он далеко не первый, кому даории позволили столь долго гостить в их мире, но чаще по возвращении такие люди шли работать на правительство, а Рен Коллинз предпочёл преподавать.

Профессор заметил, как я чуть не развалилась на парте, а значит, теперь глаз с меня не спустит. Я пригладила волосы и наклонилась к Ливии – одной из немногих моих подруг. Точнее, единственной помимо Сирши, но та учится на пятом курсе, лекции у нас разные.

– О чём речь?

– Повторяем основы про политическое устройство палагейцев. Через месяц будет предэкзаменационный тест, – торопливо ответила Лив.

У Ливии золотой ахакор, но, в отличие от многих детей состоятельных родителей, она предпочитала его не демонстрировать. При взгляде на её некрашенные русые волосы, отсутствие макияжа и простую одежду не сразу признаешь, что она из богатой семьи. Лив сняла свои очки и критически осмотрела разводы на стёклах, завертела готовой, тихо порылась в сумке. Я забрала её очки, вытянула край футболки из-под свитера и протёрла.

– Хлопчатобумажная, – едва шевеля губами, заверила я.

Сама Лив сегодня в вязаном свитере, а салфетки для стёкол она часто теряет. Ливия благодарно кивнула и со смущённой улыбкой забрала очки. У неё с детства плохое зрение, линзы носить не может, а из-за дурных одноклассников со школы комплексует. Ещё на первом курсе я отшила одного болвана, который даже в универе не перерос пубертатные замашки и подкалывал Лив, иронизируя над её внешним видом. Так мы начали общаться. А узнав, что я из приюта, она не выказала пренебрежения или жалости. В основном именно из-за последнего я не любила делиться подробностями о себе.

– ...лично! Мы вспомнили, что Палагедой управляет Совет архонтов. Каждый из них является главой собственного Дома, – голос профессора зазвучал громче, привлекая всеобщее внимание. – Сколько их всего, Джен?

Девушка с короткими чёрными волосами тут же поднялась на ноги.

– Семь, мистер Коллинз.

– И какова иерархия?

– Невзирая на равноправный Совет, одни Дома палагеев считаются более могущественными, чем другие, и делятся они по способностям, которые невольно распространяют, – без запинки выдала Джен. – Самым сильным и первым по старшинству идёт Дом Раздора. Сразу после него – Дом Кошмаров и Дом Чревоугодия. Следом – Дом Соблазна. Последние три – Гнев, Гордыня и Зависть – являются наиболее слабыми, но голоса этих архонтов не уступают остальным в Совете. При рассмотрении важных вопросов шесть Домов равны по значимости, а мнение архонта Раздора, как главы самого могущественного Дома, будет решающим в спорах.

Профессор довольно кивнул и поднял руку, призвав Джен остановиться и сесть.

– Всё верно, – подтвердил мистер Коллинз. – Но система даориев иная. В чём же главное отличие в управлении?

Профессор выразительно посмотрел на меня, и я поднялась на ноги, не дожидаясь пока он назовёт моё имя. Про лучезарных он всегда ждал более точных ответов, зная их лучше теневых.

– У даориев аналогичный аппарат власти, а именно Совет пяти царей. Все даории делятся на пять Кланов, во главе каждого стоит их царь.

– По каким критериям идёт разделение у даориев?

– Пять элементов: воздух, вода, огонь, земля и металл. У

них тоже есть своя иерархия, – тем же ровным голосом ответила я, стараясь не делать пауз. – Даории управляют элементами, хотя большинство способны лишь на малозначительные манипуляции. Самые могущественные – это цари. Сила обычно остаётся в пределах родов, передаваясь с кровью. Практически не происходит никакой смены власти, тысячелетиями во главе одни и те же семьи. Хотя в данном случае это скорее схожесть с теневыми, потому что у них тоже власть и способности передаются по крови.

– Какой вклад даории и палагейцы внесли в наше развитие?

– Палагейцы дали нам зарево, – подбородком я указала на ярко светящиеся лампы. Освещение, энергия для транспорта, компьютеров, телефонов и прочего. Всё функционирует благодаря зареву. – Даории, а точнее Клан Металлов, проложили основные магистрали, по которым непрерывно двигается зарево. Они же показали нашим учёным, как создавать провода, способные передавать энергию.

– Разве это всё, что мы получили от Клана Металлов?

– Нет. Ахакоры. Они их разработали и дали людям защиту от влияния теневых, но этим же обезопасили наш мир от собственного воздействия. Имея татуировку, лучезарные неспособны управлять элементами, а вместе с тем навредить кому-то из людей.

Мистер Коллинз улыбнулся, получив желанный ответ, и я уже хотела сесть, как он снова заговорил:

– Ты рассказала про сходство в политической структуре, а каково же главное отличие?

– Верно, – спохватилась я и опять выпрямилась. Большинство студентов либо внимательно слушали, либо что-то записывали, пока другие набирали сообщения в телефонах или просматривали ленту новостей в социальных сетях. – В Палагедде Совет архонтов – это главенствующий орган власти, но в Даории над Советом пяти царей стоят мойры. Три богини, следящие за нитями судеб. Мойры плетут эти нити, но выстраивают чужую участь не по своему хотению, а являются проводниками высшей силы. Также их задача – хранить сотканные нити, и во благо равновесия они не имеют права вмешиваться и менять чье-либо будущее по своему желанию. Если мойра попытается что-то переиначить, то её настигнет расплата. Ходят слухи, что у одной богини не хватает пальцев, а у другой нет левой кисти.

– Всё верно, но, когда говорят о невмешательстве, речь идёт о нитях палагейцев, даориев и людей. Жрицы в Даории уверены, что после объединения трёх миров у богинь появились судьбы всех нас, – дополнил профессор. – Если же говорить о судьбах самих богов, если таковые у них есть, то среди даориев рассказывают легенду, что старшая из мойр – *Атропос* – однажды едва не умерла, но *Клото* сплела для сестры нить, тем самым восстановив её здоровье. То есть боги находятся вне предусмотренного баланса и могут влиять исключительно на собственные жизни, но не на чужие.

– Разве это не сюжет даорийской сказки?

– Действительно есть такой сказочный мотив, однако были схожие упоминания об их брате Эфире. К сожалению, истину если и знают, то только цари, и всё же для сдачи экзамена лучше держать в голове эту информацию, – напомнил мистер Коллинз.

– Профессор, мойры правда ни с кем не встречаются помимо царей? Вы тоже никогда не видели мойр? – вмешался студент с задних парт, прежде чем мистер Коллинз успел задать мне новый вопрос.

– Правда, – подтвердил профессор, а студенты оживились, заинтересовавшись беседой. – Мойры никогда никому не показываются и не лезут даже в склоки между Кланами. Но это заблуждение, что богини встречаются только с царями, они так же тесно общаются с сивиллами – прорицательницами в Даории.

– А царей вы видели?

– Видел царей Воздуха и Металлов. Они с наибольшим любопытством относятся к нашему миру и охотно рассказывают о своей культуре, – профессор поднял руку и пресек новые вопросы, не относящиеся к теме. Он вновь повернулся ко мне, и я невольно вскинула брови. Я ведь ответила на все вопросы, но удовлетворённым мистер Коллинз не выглядел. – Что ещё говорят о мойрах, Кассия?

– Я не... не знаю, – растерянно пробормотала я, напрягая память. О мойрах действительно почти ничего не известно.

Они никак не участвуют в жизни даже собственного народа, что уж говорить о нашем мире. – Мойры одни из мифологических существ, известных людям ещё до объединения и открытия проходов. Они были частью эпоса некоторых стран Античности. Не только мойры, но и вера в одушевлённые грехи. Вследствие более глубокого изучения тeneвых и лучезарных нашими историками и антропологами исследователи пришли к выводу, что образы пороков в религии и мойры появились в мифах людей из-за снов. Во сне грань между нашим миром и Переправой тонка. Якобы древние люди в подсознании попадали на Переправу, и кто-то выносил из видений эти образы, которые стали частью разных религий и мифов.

Не желая признаваться в непонимании вопроса, я озвучивала любую всплывающую в голове информацию. Но, несмотря на одобритeльные кивки профессора, было заметно, что я продолжала кружить где-то рядом с правильным ответом.

– Кто-нибудь может добавить что-то важное? – поинтересовался мистер Коллинз у собравшихся.

Студенты тут же засуетились, притворяясь, что заняты конспектами. Неловкая тишина была прервана вскинутой рукой.

– Прошу... эм... – мистер Коллинз замялся, я обернулась на поднявшегося студента. Профессор всех знал по именам, и мне стало любопытно, кто его смутил. – Прошу прощения,

но вы точно с этого курса? Либо вы часто пропускаете, либо ошиблись аудиторией.

– Не ошибся, профессор, – пробормотал молодой парень, поправив очки, которые казались слишком большими для его лица. – Я не на потоке, а временный слушатель. Посещаю отдельно оплаченные курсы лекций.

Мистер Коллинз отложил список студентов и заметно расслабился. На незнакомце простая серая толстовка-кенгуру, чёрные джинсы, золотистые светлые волосы немного растрёпаны. Он стоял слишком далеко, чтобы я могла точно определить цвет глаз, но разрез определённо миндалевидный. Судя по всему, парень худощав и не шибко высокий. С этими очками он скорее напоминал первокурсника, чем выпускника. Незнакомец бросил на меня косой взгляд и спрятал руки в карманы толстовки. Намёк я поняла, но внимание от него не отвела, ожидая, что он скажет.

– Да, верно. Курсы для саморазвития или повышения квалификации, – кивнул мистер Коллинз, рассматривая студента. – Вам есть чем дополнить ответ Кассии?

– Немного. Ещё о мойрах ходит слух, что они все немые. Однако голосов лишены не с рождения, способность говорить у всех троих отобрал Привратник в качестве мести.

– Именно, – обрадовался профессор, явно получив желаемый ответ.

Я тихо фыркнула, и парень в очках тут же повернул голову в мою сторону, хотя услышать точно не мог. Лицо привлека-

тельное, но спутанные волосы, по-нелепому большие очки и колючий взгляд делали его похожим на самоуверенного заучку.

– Привратник. Единственный, кого опасаются как даории, так и палагейцы. Привратник главенствует над Переправой, и именно о нём я хотел с вами поговорить подробнее, – заговорил профессор, взял мел и начал записывать основные тезисы.

Я села и схватилась за тетрадь, готовая жадно поглощать любую информацию о Привратнике и Переправе.

– У меня есть вопрос о мойрах, – снова подал голос тот же студент, сбивая преподавателя с увлекательной темы.

Я обернулась на говорящего. Все рады, когда профессор рассказывает о Переправе, но парень продолжал стоять, со скучающим выражением лица глядя на свежие надписи на доске.

– Какой? – спохватился мистер Коллинз.

– Я записался на эти курсы, потому что заинтересовался вашим опытом жизни среди даориев, – издавек начал тот, но профессор заулыбался, отложив мел. Я недовольно поджала губы, до конца лекции осталось совсем немного, а о Привратнике я так ничего нового и не выяснила. – Раз уж речь зашла о мойрах, то я хотел узнать ваше мнение. Вы подтверждаете, что мойры неспособны влиять на судьбу живого создания. Например, оборви они жизнь даория, палагейца или человека раньше времени, подобное вмешательство

повлечёт за собой неподвластные контролю перемены в мире. Возможно, будущее будет изменено непоправимо. Однако что насчёт воздействия на объекты?

Радость с лица профессора медленно сошла, он шумно втянул воздух, озадаченно уставившись в потолок.

– А именно? – уточнил мистер Коллинз после длительной заминки.

– Внезапно распахнувшееся окно, которое заставит обернуться. Укатившийся мяч, провоцирующий идти в нужную сторону. Пуля, полёт которой отклонится, – уверенно перечислил незнакомец, он со всей серьёзностью следил за реакцией профессора. Сперва его вопрос показался мне глупостью, но примеры заставили задуматься. – Если мойры способны влиять на мелкие элементы, то множественные, на первый взгляд незначительные модификации на протяжении какого-то времени могут незаметно, но кардинально изменить чью-то судьбу. Такое возможно?

Успех череды микровоздействий сомнителен: это как сложить многотысячный пазл с одной попытки без знания финальной картины. Однако при мысли о существовании подобной вероятности по спине поползли мурашки. Человеку с его короткой жизнью вряд ли под силу проследить за столь масштабной манипуляцией.

– Вполне возможно, – с растерянностью заметил мистер Коллинз и бросился что-то записывать в свой блокнот. – Очень интересная теория, молодой человек. Одновременно

слишком бесконтрольная и способная дать совсем не тот результат, но определённо стоит рассмотрения. Поэтому я...

В коридорах раздался короткий звонок, звуки открываемых дверей и топот ног. Профессор разочарованно посмотрел на настенные часы. Лекция окончена.

– Молодой человек, подойдите ко мне, остальные свободны.

Студенты заторопились покинуть аудиторию. Ливия собрала учебник и тетрадь в сумку, на прощание улыбнулась мне и направилась к выходу. Она подрабатывает в студенческой библиотеке, и сегодня у неё есть дела. Я же уходить не спешила, желая поговорить с профессором.

Дождавшись пока помещение опустеет, я медленно собрала вещи в рюкзак и подошла к столу мистера Коллинза, который увлечённо беседовал с незнакомым студентом.

– ...на протяжении недели я составляю список научных трудов, которые заслуживают вашего внимания. Обязательно приходите на следующую лекцию и покажите исследования, натолкнувшие вас на подобные мысли.

– Хорошо, профессор, – тем же ровным тоном ответил студент и окинул меня взглядом, когда я встала рядом.

Радужки у него светло-карие. Красивый янтарный оттенок вместе с экзотическим разрезом глаз притягивал внимание. Парень смотрел без раздражения или высокомерия, но и дружелюбным его выражение лица тоже нельзя было назвать. Скорее он весь напрягся, насторожённый моим при-

сутствием.

Я ответила ему таким же оценивающим взглядом.

– Кассия, ты что-то хотела? – обратил на меня внимание мистер Коллинз.

– Да, хотела попросить у вас помощи, – ответила я, наблюдая, как незнакомец направился к выходу. Он закрывал за собой дверь, когда я поняла, что так и не увидела металл его ахакора. Хотя, судя по внешнему виду, он не богач. Может, серебро?

– Что тебя интересует? – уточнил профессор, и я выкинула странного парня из головы.

– Пожалуйста, дайте мне адрес библиотеки тeneвых. Я знаю, что на их половине города есть коллекции с трудами их учёных. В наших хранилищах материала о Переправе недостаточно. Исследовательские трактаты от авторов-людей скупые и поверхностные, – выдала я, но на лице профессора отразилась усталая мука, поэтому затараторила дальше, не позволив отказать мне сразу: – Я уже выбрала Переправу и Привратника в качестве темы своей дипломной работы в следующем году. И клянусь, что прочитала весь данный вами список литературы, но там нет почти никакой достоверно изученной информации.

– Кассия, тема сложная, – уделяя большее внимание бумагам и заметкам на своём столе, начал бубнить профессор. – Если ты хорошо структурируешь и объединишь сведения из тех многочисленных источников, то комиссия в любом слу-

чае поставит тебе «отлично». Если ты волнуешься об оценке...

– Это моя дипломная работа, и я не хочу просто переписать, – я прижала рукой ежедневник мистера Коллинза к столу, не дав тому его взять. Он нехотя поднял на меня глаза, явно утомлённый моим упрямством. – Я действительно хочу изучить Переправу.

– Нельзя изучить Переправу. Сами теньвые едва ли её понимают, – возразил профессор. – Ты прочитала весь список, что я дал тебе в прошлый раз?

– Да!

– И Юстера?

– Даже его.

– Гортеса?

– Тоже.

– Аристоля? У него...

– Профессор, – хмуро перебила я. – Я прочитала все три его научных труда и почти уверена, что его «Иллюзорную материю» вы дали мне специально, чтобы я сдалась и бросила любые попытки.

Я невольно скривилась при воспоминании о толстом фолианте, язык чесался высказать, что его труды невозможно читать. Сквозь текст Аристоля я продиралась, как через таинственные дебри. Выражался автор настолько странно, что приходилось целые абзацы перечитывать по несколько раз. Я недовольно надулась, заметив, как профессор едва сдержал

улыбку. Под моим пристальным взглядом он неловко откашлялся.

– Пожалуйста, мистер Коллинз. Не запрещено посещать территорию палагейцев. Опасно только ночью, но я пойду днём. Вы же сами там бываете, – насела я, решив в этот раз прижать его к стенке.

Профессор либо ощутил, что ему не отделаться, либо наконец внял моим просьбам, потому что написал долгожданный адрес на листке и протянул мне. В библиотеки теневых практически невозможно попасть. Обычно это личные коллекции и лишь избранные могут ознакомиться с трудами палагейцев и даориев. Я выпрашивала этот адрес у профессора три месяца, поэтому глазам вначале не поверила, а потом перечитала написанное раз пять, торопливо запоминая, если вдруг потеряю записку.

– Обширная личная коллекция принадлежит стареющему палагейцу. Его зовут Аякс. Он любит поболтать, но следит за временем и ради Святого Данама не пей у него спиртного, даже если будет настаивать.

– Он из Дома Чревоугодия?

– Нет, из Дома Гордыни. Поэтому всегда рад поговорить о Палагедзе. А это перечень авторов, которые писали о Переправе, есть вероятность, что у Аякса имеются оригиналы и их переведённые экземпляры.

Я с благодарностью приняла вторую записку и тут же обе спрятала в карман кожаной куртки.

– Спасибо, профессор, – искренне поблагодарила я, не сдержав улыбку. Мистер Коллинз моего энтузиазма не разделил, и я спешно попятилась к выходу, переживая, как бы он не передумал.

– Не попадай в неприятности, Кассия. И не заставляй меня жалеть, что дал тебе адрес, ясно? – строго предупредил он.

– Конечно, конечно! – излишне торопливо заверила я.

Хотя, по слухам, если попаду в неприятности на стороне теневых, то уже и ругать будет бесполезно.

* * *

– Иво!

Половина столпившихся у входа в основной корпус миготутихли, студенты повернули головы в сторону зовущего. Я тоже невольно замерла на ступеньках, рассматривая молодого человека.

Высокий рост, едва заметно выющиеся чёрные волосы, до дрожи привлекательное лицо и подтянутое тело. Светло-зелёные глаза прищурены из-за лукавой улыбки. Наряд и вовсе под стать плохому парню: чёрные джинсы, тёмная футболка и стильная кожаная куртка. Он стоял, расслабленно облокотившись на шикарную тачку, и был определённо в курсе, как выглядит, но демонстративно игнорировал разинутые рты нескольких первокурсниц. Такие парни нравятся Сирше

и, судя по всему, ещё половине кампуса.

– Иво, поторапливайся!

– Какой он! – ахнула рядом одна из девушек.

– Теневой, это сразу понятно, – ответила ей подруга, остужая интерес первой.

Я промолчала, но была согласна. Парень определённо теневой. Палагейцы и даории выделялись своими лицами, а глаза этого теневого слишком яркие, что немного жутко. Притягательно, но жутко.

Я сама чуть не разинула рот, когда на имя «Иво» откликнулся тот внешне нескладный студент в серой толстовке. На его лице не было страха или благоговения перед палагейцем, Иво, наоборот, выглядел хмурым. Словно этот черноволосый его старший брат, который приехал позорить младшего.

– Громче можешь? Кажется, ещё не все узнали моё имя, – пробубнил Иво, и я с трудом разобрала его слова.

Он обернулся и с недовольством взглянул на застывших студенток. Те тут же засуетились, притворяясь, что не таращились на него мгновение назад. Взгляд Иво замер на мне, узнал, но его отвлёл теневой.

– Не дуйся, – хохотнул тот, намеренно с силой хлопнув друга по плечу. Всё-таки внешне уж слишком эти двое отличались. Я сильнее нахмурилась, заметив, что Иво значительно ниже ростом, но даже не покачнулся от подобного приветствия. *Не может же быть, что он тоже...* – Полежай в машину, мы опаздываем.

Иво что-то проворчал, но полез на заднее сиденье. Вопреки моим ожиданиям темноволосый обошёл автомобиль, чтобы занять пассажирское место. Как только он перестал загоразивать стекло водителя, я заметила третьего в салоне. Он разговаривал по телефону. Пассажиры оказались внутри, водитель закончил разговор, завёл мотор и с очевидным раздражением вдавил газ. Шины завизжали, прежде чем автомобиль сорвался с места. Окружающие студентки возбуждённо загалдели, провожая взглядами стремительно удаляющуюся машину. Я едва не закатила глаза, поражаясь, насколько типичным тeneвым выглядел тот парень. Чёрный дорожный автомобиль, самоуверенная поза, тёмная одежда. Он будто намеренно собрал все человеческие представления о палагейцах как о греховных искуителях. Не удивлюсь, если этот тип из Дома Соблазна.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Сирши. *«Если ты ещё не идёшь домой, то советую ускориться. И не думай мне врать, что забыла о сегодняшнем вечере. Ты обещала, Кассия».*

Верно. Я обещала.

Поэтому, затолкав телефон обратно, поудобнее повесила рюкзак и побежала на автобусную остановку.

– Что за... – вполголоса выругалась я, споткнувшись об упавший зонт. – Сирша!

Я закрыла дверь и, сбросив кроссовки в прихожей, ввалилась в гостиную, совмещённую с маленькой кухней.

– Сирша, я пришла! И вовремя! – победно заявила я, заметив подругу, с ногами забравшуюся в кресло. Она смотрела телевизор, что-то старательно записывая в блокнот. Я сбросила рюкзак прямо на пол. Трясущимися руками размотала длинный шарф, стянула кожаную куртку и со стоном потянула вверх свитер. Воздух на улице холодный, но из-за бега я вся вспотела.

– Толку было торопиться, если теперь тебе нужно принять душ. Даже не думай идти с этой причёской, – строго буркнула подруга, неодобрительно посмотрев на свитер, брошенный рядом с рюкзаком и курткой.

Я не грязнуля. Всё подниму и уберу уже через пару минут, как только дыхание восстановится. Но сиротская жизнь оставила свой след. Сирша ненавидит бардак в квартире. В приюте у нас не было отдельных комнат. Жили по пятеро и больше. Личной была разве что койка и, может, полка в шкафу. Несмотря на строгие выговоры, там постоянно царил беспорядок. Сирша пыталась держать своё место в чистоте, но при таком количестве соседей ничего не выходило, поэто-

му, получив долгожданное личное жильё, она с небывалым усердием начала следить за порядком в доме и жизни. Это дарило ей обманчивое чувство безопасности и контроля, но постепенно переросло в одержимость.

Мне знакомо подобное, поэтому незаметно я тренировала Сиршу, желая помочь подруге преодолеть тревожность при признаках малейшего беспорядка. Водила её в «Подворотню», время от времени в разумных пределах оставляла предметы не на своих местах. И если вначале любые изменения вызывали у Сирши неподдельную тревогу и раздражение, то сейчас она ограничилась хмурым взглядом на брошенные мной вещи.

Сирша закусила губу, явно сдерживаясь от замечания, и...
...промолчала.

Я порадовалась её успехам, и подняла руку к волосам, оценивая, насколько жутко они выглядели после бега в шапке. Всё действительно плохо. У корней сильно примялись, а ниже топорщились во все стороны, наэлектризованные.

– Может, просто кепку надену, – с надеждой предложила я.

– Ещё чего! – тут же встрепенулась Сирша. – Мы с тобой договорились. Я учусь стрелять в «Подворотне», а ты идёшь со мной в клуб. Я своё условие сделки выполнила.

Я страдальчески застонала. Клубы совсем не моё.

– И оденься покрасивее, – добила Сирша, одарив меня безжалостной улыбкой.

– Если ты хочешь, чтобы я надела...

– Ш-ш-ш! – перебила она, вновь прибавив громкость телевизору. Реклама закончилась, и я замерла, глядя на сменяющиеся кадры с места преступления. Подруга подалась вперёд, сосредоточенно следя за новостями.

– Нам сообщили, что убийство, совершённое в северо-восточном районе города, похоже на происшествия многолетней давности. Мы находимся у отеля «Тройное созвездие», в пентхаусе которого актёр Томас Холстер под действием алкогольного опьянения застрелил пятерых человек в разгар вечеринки. Свидетели подтверждают, что первоначальной его целью был Теренс Браннон – главный соперник Томаса в последние годы, но ситуация обернулась большим количеством жертв. Многие сходятся во мнении, что Браннон отобрал у Холстера несколько важных ролей. Агенты Томаса даже говорили, что появление Теренса загубило карьеру их клиента, – уверенно вещала журналистка, стоя перед зданием отеля. Приближаться не позволяли отряды полиции, но это было необязательно, у корреспондентов уже имелись фотографии с места происшествия, и они делали из них вставки, одновременно описывая ситуацию.

– Зачем ты это смотришь? – Я с недоумением проследила, как Сирша старательно записала услышанное.

– Это произошло вчера! Успею дополнить нынешним случаем свой диплом! – воодушевлённо добавила она.

– Но твой диплом о... – я не договорила, поняв о чём речь,

и усталилась в телевизор.

– Убив Браннона и ещё четырёх человек, Томас Холстер впал в ужас от содеянного и застрелился сам. Внимание к этому событию стремительно растёт не только из-за громких имён жертвы и преступника, но и вероятности, что в деле опять замешаны палагейцы. В качестве доказательства было отмечено, что в одном месте кожа около ахагора убийцы посерела, хотя сам он был человеком. Это неопровержимое доказательство очевидного вывода, что на момент совершения преступления в организме Томаса Холстера была кровь теневого. По первым предположениям, это могла быть кровь принадлежащих к Дому Гордыни, Зависти или Гнева. Точнее ещё предстоит выяснить. Образцы уже отправлены в лабораторию Дардана Хилла. В ближайшее время мы узнаем правду, – журналистка сделала намеренно длинную паузу ради нескольких жутких кадров. – Всех тревожит мысль, что мы можем вернуться к старым проблемам. Напоминаю, что в последний раз схожее жестокое убийство с вмешательством палагейцев произошло три года назад. Тогда погиб владелец арт-галереи, до этого есть свидетельства об инцидентах шестилетней давности, а ещё ранее трагедии, случившейся более десяти лет назад. Всех потрясло, когда три нападения произошли подряд в один вечер. Все убийцы тогда действовали под влиянием крови теневых, то есть были заражены грехом, который толкнул их на акты агрессии.

Я поморщилась: такие новости хоть и не касались нас напрямую, но портили настроение.

– Думаешь, они что-то задумали? – пробубнила я, подняв ранее брошенную одежду.

– Теневые? Вряд ли, – отмахнулась Сирша, не спуская глаз со сменяющихся кадров места преступления. – Скорее всего, кто-то ошибся или занялся криминалом. Сами архонты будут не в восторге от сложившейся ситуации.

Я кивнула, веря ей на слово. В отличие от моей специализации Сирша оканчивает факультет социологии. Пишет диплом про конфликты между людьми, палагейцами и даориями за последние двадцать лет. И если с лучезарными отношения хорошие, то теневые способны доставить проблемы. Если добавить их кровь человеку в напиток, то тот временно будет подвержен греху. Даже ахакор не поможет. Когда-то давно таким способом мстили или убирали неугодных, потому что человек под таким воздействием совершал преступления, а следом попадал в тюрьму, терял репутацию или лишался рассудка.

Сейчас на мелкие происшествия Совет архонтов никак не реагирует, но если есть пострадавшие или хуже – погибли невинные, то разговор другой. Подобные ситуации всегда ухудшают отношения между мирами, со стороны людей начинаются забастовки и разгораются негативные настроения в сторону палагейцев. Совет архонтов предпочитает до такого не доводить, ведь у многих в Санкт-Данаме есть огне-

стрельное оружие.

Обычно наша полиция лишь устанавливает причастность теневого к смертям и отправляет информацию в Палагеду. Далее они сами разбираются с виновником. Каким именно способом – никто не знает, есть лишь определённые догадки, так как про их тюрьмы нам ничего не известно.

Из-за опасности торговля кровью палагейцев приравнена всеми тремя мирами к незаконной деятельности и уголовно наказуема.

Ещё в университете слышала, что из крови представителей Дома Соблазна кто-то додумался сделать наркотики для более острых ощущений в сексе. К несчастью, и с этой забавой было связано немало криминала.

– Дардан Хилл, нынешний глава компании «Меридий», пообещал как можно быстрее поделиться результатами исследований. Мистер Хилл как никто заинтересован в выяснении причастности палагейцев к происшествию. Более десяти лет назад двое влиятельных акционеров его фирмы – Фоули и Райден – были убиты завистниками под воздействием крови теневых. Общественность была шокирована масштабами смертей: за один вечер погибло более семи человек. Потеря партнёров сильно обрушила акции компании, и, как выяснилось позднее, погибшие Лиам Райден и его супруга Селена были близкими друзьями Дардана Хилла.

– Восхитительно, – восторженно пробормотала Сирша, продолжая скрипеть ручкой по бумаге.

– Восхитительно? Там люди умерли.

Сирша тут же вскинула растерянный взгляд.

– Нет-нет! То есть это ужасно! Всё произошедшее очень плохо. Надеюсь, они как можно быстрее разберутся, а контрабандисты и виновники получают по заслугам, – оправдываясь, затараторила она. – Я имею в виду, что информация пригодится для моего диплома... я не подразумевала, что...

– Знаю, знаю, – улыбнувшись, остановила я подругу. Разумеется, она не имела в виду ничего дурного. Сирша даже оружие в руки брать не хочет, боясь случайно кому-нибудь навредить. *Ну разве что Руфуса не прочь прибить за «куколку» и «чистюлю».* Интерес к криминальным новостям она начала проявлять из-за дипломной работы. – Я пойду помоюсь и соберусь, ты тоже перестань это смотреть и готовься.

Сирша закивала, но опять уставилась в телевизор.

* * *

– Кассия, – ласково позвала Сирша.

Я рассеянно дёрнула дверь, проверяя, заперла ли квартиру.

Зря согласилась.

Я дёрнула вновь.

– Кассия.

Это же надо было дать себя уговорить? Может, есть шанс отмазаться?

– Кассия, хватит, – тем же ласковым голосом, но твёрдо остановила меня Сирша.

Вынырнув из своих мыслей, я уставилась на подругу.

– Что «хватит»?

– Дверь. Ты дёрнула её пять раз.

Я с недоумением посмотрела на свои пальцы, впившиеся в ручку. Сирша демонстративно сама дёрнула дверь, доказывая, что та заперта.

– Вот видишь? Всё закрыто. Ты проверила, я проверила. Пойдём, – от её заботливой улыбки мне стало стыдно.

Когда-то Сирша сказала, что я страдаю нервным расстройством, повторяю одни и те же действия несколько раз. Ранее думала, что это не более чем странные привычки, но Сирша сама мучается навязчивыми мыслями о контроле, поэтому я не стала спорить с её выводом. К тому же при взгляде на некоторые мои рутинные действия под новым углом те и правда перестали казаться таким уж обычным делом.

В целом они не сильно влияют на мою повседневную жизнь, но если меня охватывает тревога, то я перестаю осознавать повторяющиеся движения. Сирша намекнула, что моя манера проверять утюг перед выходом множество раз, особенно если им даже не пользовались, немного беспокойная. Прекратить я не смогла, поэтому выкинула утюг. Сирша ответила, что этим мы избежали проблемы, проигнорировав попытку её решить.

Я была не согласна.

Я выкинула уютю.

Нет уютюга – нет проблемы.

– Кассия, ты нервничаешь. А мне не нравится, когда ты нервничаешь.

– Это ещё почему? – недовольно пробубнила я, и мы направились к лестнице, чтобы спуститься на первый этаж.

– Потому что нервная, ты таскаешь с собой купленный ствол. А ну-ка, стой! – Сирша остановила, уперев руку мне в грудь. – Раскрой куртку.

По коридору разнёсся мой сдавленный смех.

– Ты серьёзно думаешь, что я взяла пистолет?

Сирша наклонила голову и загородила собой лестницу, всем видом показывая, что на слово она мне не верит. Я размотала длинный шарф и раскрыла кожаную куртку, демонстрируя, что помимо джинсов и полупрозрачной чёрной блузки, которую она заставила меня надеть, ничего нет.

Не то чтобы я не думала взять «Глок»...

– И сумку открой.

– Да в этой сумочке лишь мой телефон и помещается! – возмутилась я, но та и бровью не повела.

Наигранно тяжело вздохнув, я открыла клатч. Сирша расслабилась, а лицо озарила виноватая улыбка, когда она не нашла там ничего опасного.

– Я не могу рисковать. С пистолетом нас не пустят в «Святилище греха».

– Как раз туда не помешало бы взять винтовку, – закатив

глаза, ответила я.

Сирша делано расхохоталась, эхо её притворного веселья отразилось от каменных стен лестничной клетки. Смех завершился вымученным стоном.

– Только не шути так при теневых, ладно? Я люблю твой безрадостный юмор. Вносит приятное разнообразие в мои светлые будни, но палагейцы бывают темпераментными, – напомнила Сирша, поправив подол своего облегающего белого с блёстками платья. Его длина и вырез говорили достаточно. Такой наряд создали ради привлечения внимания, а не для того, чтобы прикрывать тело.

Сирше это не нужно. Она и так красива, но сегодня подруга явно намерена кого-то заинтересовать. Она запахнула драповое пальто и завязала пояс, скрыв платье.

«Святилище греха» – клуб на границе районов людей и теневых. Та территория считается нейтральной и безопасной. К тому же, как показала тысячелетняя практика, физиологически мы ничем не отличаемся от теневых и лучезарных. Также выяснили ещё один факт: от связи людей с палагейцами или даориями дети не рождаются. Никаких полукровок, никаких новых рас. Но этот же факт позволил любителям случайных связей чувствовать себя спокойнее. Говоря короче, что теневые, что люди весьма рады провести друг с другом вечера и ночи без лишних обязательств. Некоторые даже встречаются, но браки между разными расами не заключаются.

«Святылище греха» – одно из самых популярных мест, где можно познакомиться, развлечься или просто пообщаться. Я предпочитала держаться подальше от подобных заведений не столько из-за страха перед палагейцами и даориями, скорее из-за нелюбви к вечеринкам, но в этот раз обещала Сирше, что составлю ей компанию. Она любит этот клуб, ходит туда с однокурсницами с её потока, у неё и несколько знакомых теневых есть, но до сегодняшнего дня я отнекивалась от предложений Сирши пойти с ними.

– Для кого это платье? – прямо спросила я, бегло оценивая, сколько может быть сантиметров в её высоких каблуках. Макияж более вызывающий, чем обычно. Она точно что-то задумала.

– Для Микеля, – лукаво улыбнулась она и вышла на улицу к нашему заранее вызванному такси.

– Что за Микель?

– Он лучезарный, и поймать его сложно, но мне подсказали, что сегодня он будет в клубе.

– Умоляю не говори, что ты хочешь сравнить умения теневых и лучезарных в постели! – подзадорила я подругу, зная, что с палагейцем на ночь в отеле она оставалась и по рассказам всё было «незабываемо».

Не скрою. Мне интересно, но не настолько, чтобы пробовать. В университете можно собрать множество рассказов о том, хуже лучезарные или лучше, но всё же это остаётся на уровне слухов.

– Неужели у кого-то игривое настроение? Может, и тебе сегодня какого-нибудь язвительного теневого подберём, – передразнила она мою наглую улыбку, закатила глаза и затолкала меня в такси.

– А если серьёзно, Сирша. Зачем мы едем в клуб? – спросила я, когда подруга назвала таксисту адрес и машина тронулась. Здесь недалеко. Ехать минут десять, но Сирша отказалась идти пешком на каблуках.

– У меня осталось всего две недели, чтобы найти место практики, – отбросив шутки, серьёзно заговорила она. – И ты знаешь, что я мечтаю попасть в фирму Дардана Хилла. Все, кому удалось пройти стажировку в компании «Меридий», после окончания университета получили там рабочее место. Ты представляешь, Кассия? – В голубых глазах Сирши зажёгся огонь, она буквально излучала упрямство и непоколебимую решимость.

И я прекрасно понимала почему.

Сиршу бросили родители, совсем маленькую отдали в приют. Кажется, её мама была несовершеннолетней, когда забеременела, поэтому от ребёнка было решено избавиться. Нам с Сиршей повезло попасть в самый достойный из имеющихся приютов в Санкт-Данаме, и всё же наше будущее в лучшем случае включало получение среднего образования, максимум колледж. Затем среднестатистическая работа и посредственный заработок, лишь бы протянуть оставшуюся жизнь.

Мы с Сиршей быстро поняли, что необходимо пробиться в университет. Для нашего приюта государство выделяло в год всего пять бесплатных мест в нескольких высших учебных заведениях. И требовалось сдать экзамен не только на поступление, но и пройти тесты на получение стипендии. Мы ухватились за этот шанс.

На деле план оказался сложнее. Будучи старше на год, Сирша первой ушла из приюта и целый год вкалывала на нескольких работах. В то время она сэкономила на всём.

Спустя год она поступила в университет, добилась стипендии и выполнила обещание, вернувшись за мной. Я не могла уйти из приюта до совершеннолетия, поэтому Сирше пришлось одной справляться с первоначальными невзгодами. Даже не представляю, где и как она жила, раз нашу первую совместную квартиру, похожую на клоповник, назвала «миленькой».

Разумеется, одной стипендии на двоих не хватало и весь следующий год, пока Сирша привыкала к студенчеству, я вкалывала за двоих, а дома зубрила материал, готовясь к экзаменам.

Первые годы были самыми тяжёлыми, но все трудности нас сплотили, сделав семьёй. Мы поддерживали друг друга, потому что бóльшая часть нашей жизни превратилась в учёбу и подработки без перерывов на отдых. Сперва ради поступления, а потом чтобы не провалить сессии и не вылететь из университета. Лишь год назад регулярно откладываемые

деньги перестали исчезать и начали дарить хоть малую свободу в тратах.

Вот и наше пребывание в университете подходило к концу. Я пока не знаю, что делать дальше, но Сирша составила план и умело совмещала учёбу и работу в компании. Она поднялась от помощника секретаря до менеджера на неполной ставке, а теперь нацелилась на одну из самых влиятельных фирм в городе. С её амбициями и умом я не сомневалась, что у Сирши получится.

– Представляю, – серьёзно кивнула я. – Как с этим связан Микель?

– Через пару дней у меня собеседование на стажировку в отдел социологических исследований в компании «Меридий», но я хочу увеличить свои шансы. Микель работает напрямую с Дарданом Хиллом, Кассия. Если мне удастся хоть раз просто поговорить с мистером Хиллом, то уверена, что смогу доказать, что стою практики в их компании. Если я познакомлюсь с Микелем, то, возможно, сумею убедить лучезарного устроить встречу с его начальником.

Шаткий план.

Я закусила губу, припомнив её сегодняшний наряд. Сирша знает, что она красивая. Однажды она сказала, что жизнь не дала нам особых бонусов, поэтому нужно использовать всё, что есть. У неё есть принципы, она никогда не ляжет в чужую кровать ради денег, сексом готова заняться лишь с тем, кто её действительно привлекает. Но флирт и заигрыва-

ния Сирша использует при любом удобном случае. Это сработало со всеми, кроме Руфуса. При первой встрече он рассмеялся ей в лицо на попытки строить ему глазки. С тех пор они только и делают, что цапаются.

– Хорошо, но чем я тебе помогу? Ты же знаешь, что я... не особо обаятельная, – неловко замялась я.

Все мои парни были людьми, и самые долгие отношения длились три месяца. Вот уже год я ни с кем не встречалась.

– Ты мне нужна, потому что хорошо оцениваешь обстановку и ко всем подозрительна. Я никогда не общалась с лучезарными и не знаю, чего ждать от этого Микеля.

– Значит, я как моральная поддержка или запасной предлог для побега?

– Вроде того. Хотя надеюсь, что тебе понравится в клубе. Заведи парочку друзей теневых, – подруга игриво приподняла бровь, вызвав у меня скептический смешок.

– Вряд ли «Священный грех» место, где стоит заводить друзей.

– Кто знает, но именно палагейцам известно больше остальных о Переправе и Привратнике. Может, они поделятся информацией, – как бы невзначай бросила Сирша, а я выпучила на неё глаза, зная, что она это специально.

Я правда мечтала пообщаться с теновыми о Переправе, но не знала, где найти таких, а клуб не представляется мне местом, куда ходят поболтать о научных трудах и исследованиях.

Сирша растянула накрашенные губы в победной улыбке, потому что я продолжила открывать и закрывать рот, не находя достойного категоричного ответа. Может, мне повезёт и кто-нибудь расскажет нечто любопытное? Говорят, палагейцы неохотно распространяются о секретах Переправы, но вдруг алкоголь развяжет им языки?

Не знаю, что отразилось на моём лице, но Сирша довольно закивала, явно заметив желанную ей перемену. Возможно, видела, как посаженное ею семя заинтересованности благополучно прорастает, пробивая мою стену скептицизма.

* * *

– Пожалуйста, принесите мне «мохито», а моей подруге «Привратника», – попросила Сирша у подошедшей официантки.

– Хороший выбор, – с дежурной вежливостью ответила та и удалилась.

– Нет, ты действительно специально, – пробормотала я.

«Привратник» – это всего лишь виски с колой. Просто туда добавляют какой-то тёмный краситель, из-за чего коктейль становится чернее ночи. Сирша нагло улыбнулась, и у меня вырвался сдавленный смешок.

Клуб оказался роскошным, а для девушек вход бесплатным. Внешне здание напоминало типичную стеклянную высотку более тридцати этажей. Клуб занял нижние три, а вы-

ше – отель. Учитывая, ради каких встреч и развлечений сюда приходят, это не удивило. Мы приехали за час до заката, а значит, обратно нужно будет снова вызывать такси. Мы прямо на границе с районом, принадлежащим тeneвым, и только любители острых ощущений могут решить, что шататься здесь в тёмное время суток нормально. Не сказать, что таких не существует, но я к ним точно не отношусь. Тем более без пистолета.

Внутреннее убранство клуба из бетона и мрамора оформили в стиле классицизма с арками, полуколоннами и детально украшенными капителями. Но архитектурную строгость разбавили неоновым светом, зеркалами, тёмными столами и кожаными диванами. Похоже, сегодня вечер живой музыки, потому что на сцене выступает группа людей. Мы с Сиршей расположились на втором этаже, недалеко от бара. Здесь тише, можно разговаривать, а выбранный подругой столик с радиусным диваном – отличный вариант при слежке за находящимися в зале. Бара на первом этаже нет, поэтому все, кто хотел купить напитки, проходили мимо нас.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула, приводя нервное, вторящее громкой музыке сердцебиение в норму. Клуб был забит людьми и тeneвыми. Никогда не видела столько палагеев в одном месте. Не говоря уже о том, что как минимум с тремя из них я успела столкнуться плечом, пока мы пробирались через первый этаж. Такое количество физического контакта с тeneвыми для меня также в новинку.

– Хорошо, – вытерев вспотевшие ладони о чёрные джинсы, пробормотала я. – Если ранее ты не встречала Микеля, то как мы его узнаем?

– Я надеялась, что Деклан подскажет. Он теновой, друг Микеля и подрабатывает охранником в клубе, но пока не вижу его, – ответила Сирша, рассматривая толпу.

Я сосредоточенно кивнула.

Деклан. Теновой. Друг лучезарного.

Неожиданно, но ладно.

– Если Деклан не придёт, как нам узнать Микеля? Как он выглядит?

– Внешне Микель нашего возраста. Он... блондин, – приняв виноватый вид, пролепетала Сирша.

– Блондин? – сухо переспросила я.

– Голубоглазый.

– Голубоглазый блондин? – с осуждением повторила я, осознав уровень её подготовки.

Это не шаткий план. Это провал.

– Деклан сказал, что, увидев Микеля, ты его ни с кем не спутаешь, – защитилась Сирша.

– Деклан сказал... – передразнила я, но проглотила претензию.

Подруга втянула голову в плечи, но продолжила умасливать меня своей извиняющейся улыбкой. Нас отвлекла вернувшаяся с напитками официантка.

– За алкоголь платишь ты, – предупредила я, но неволь-

но помедлила перед первым глотком, вспомнив про случаи опаивания в клубах.

Однако Сирша часто бывала здесь, будь место опасным, она бы держалась подальше. Да и я, несмотря на сомнительное название заведения, не слышала ничего криминального про «Святилище греха», поэтому отпила виски с колой.

– Конечно, – мигом просветлела Сирша, поняв, что я, может, и нехотя, но смирилась с новыми условиями нашей задачи.

Мечтательно покачивая головой в такт музыке, Сирша принялась пить «мохито» через трубочку. Я отвернулась к толпе, когда она подмигнула какому-то теневого справа.

Значит, Микель-которого-ни-с-кем-не-спутаешь. *Очень надеюсь, потому что блондинов здесь в достатке.* Я оценивающе рассматривала каждого светловолосого мужчину. Все они казались в возрасте от двадцати до тридцати пяти, однако не стоило обманываться внешностью. Палагейцы и даории живут вдвое дольше обычных людей. Самые же могущественные из них способны протянуть до двух сотен лет: всё зависит от силы в их крови. Стареют они также медленнее, поэтому тот, кто внешне выглядит как тридцатилетний, может быть намного старше, хотя говорят, действительно взрослые теньевые и лучезарные не селятся в Санкт-Данаме. По слухам, человеческий уклад интересует только их молодёжь, которая ищет забав и приключений.

Я налегла на свой коктейль, игнорируя взгляды несколь-

ких парней. Поморщилась то ли от алкоголя, то ли от мысли, что наш мир для них будто какой-то парк развлечений.

Мы высматривали Микеля не меньше двадцати минут, прислушиваясь к разговорам. Все окружающие теневые беседовали исключительно на языке людей. Тоже один из старых законов. Желаете жить, работать или веселиться в Санкт-Данаме – должен знать местный язык и разговаривать только на нём. Принят закон был давно. С одной стороны, он облегчил нам жизнь, с другой – сильно сократил желание самих людей пытаться учить палагейский или даорийский. Некоторые из профессоров считают, что подобные провалы в знаниях и являются главными препятствиями, не позволяющими нам лучше понимать соседей даже спустя столько лет. Некоторые выступают за принятие палагейского в качестве второго официального языка, но власти пока отклоняют эту идею.

За двадцать минут слепого поиска Микеля Сирша успела несколько раз отлучиться, поприветствовать друзей и проверить третий этаж. Я же выпила половину своего коктейля, когда Микель всё-таки пришёл, и чуть не выругалась вслух, убедившись, что Деклан был прав.

Микеля действительно сложно спутать с кем-либо. Мне хватило увидеть его профиль, чтобы это понять. Лучезарный облокотился на барную стойку и с улыбкой что-то заказал у красноволосой барменши. Та была низкого роста, а милое лицо с небрежным пучком на голове делало её в ра-

зы младше, чем она есть. Барменша лопнула пузырь жвачки, подмигнула Микелю и отошла. Я вовремя закрыла разинутый рот, прежде чем лучезарный повернулся. Он без остановки обвёл периметр зала вниманием, вряд ли нас с Сиршей он вообще заметил.

Тяжело было сказать, что именно в Микеле произвело такое яркое впечатление. Может, все лучезарные оказывают схожее влияние? На лекциях изобразительного искусства мы разбирали период веры в Единого Бога и образы окружающих его ангелов. Так вот Микель очень на них походил, и ясно, почему фанатики по-прежнему боготворят даориев, видя в них «посланников божьих».

У Микеля голубые глаза, красивое лицо, не лишённое мужественности. Светлые волосы едва касались плеч, но верхнюю половину он стянул в хвост, чтобы пряди не падали на глаза. Высокий рост, стройное подтянутое тело. Белая футболка, чёрная куртка, голубые джинсы. Я растерянно моргнула.

Может, его невозможно с кем-либо спутать, потому что он единственный с мечом за спиной? Для их расы это привычное оружие, но я впервые увидела, чтобы кто-то с такой лёгкостью пронёс лезвие в клуб. Окружающие его люди и теневые расступились, оставив Микелю полтора метра свободного пространства в диаметре. Если он и заметил, то выглядел так, словно это было в порядке вещей. Мои брови удивлённо поползли вверх, и пелена очарования немного

спала, когда я устала на его белые кроссовки. Почему-то это показалось забавным. Большинство мужчин щеголяли в ботинках и начищенных туфлях.

– Похоже, Микеля мы нашли, – бросила я Сирше.

Подруга с благоговением тарасилась на даория, её взгляд беспрерывно скользил по нему вверх и вниз, будто она не могла насмотреться. Впервые я заметила у неё подобное выражение лица и тихо засмеялась.

– А, да, – опомнилась Сирша, но глаз оторвать от лучезарного не смогла.

– На вид немного за двадцать. Сколько ему на самом деле? – поинтересовалась я.

– Вроде около двадцати трёх. Микель действительно молод.

– То есть ты сейчас пускаешь слюни на лучезарного подростка? – сладко протянула я.

Сирша моментально востепенелась и обратила лицо ко мне, вернувшись в реальность.

– Фу, Кассия, перестань. Они, конечно, живут дольше, но не отстают в развитии. Ему за двадцать. Этого достаточно, – сбивчиво оправдывалась она, а моя улыбка стала наигранно снисходительной. – Ну, нет же, – с мольбой протянула Сирша. – Теперь я не могу перестать об этом думать!

– О чём именно? О его теле или о том, есть ли у даориев наказание за связи с их юными представителями?

Сирша с возмущением пихнула меня в плечо, я рассмея-

лась громче. Её лицо залилось румянцем.

– Я пошутила, – призналась я. – Он совершеннолетний. Глазеть на него законно.

Она вновь пихнула меня и встала, поправив платье.

– Клянусь перемирием трёх миров, Кассия. Я найду теневого, который приструнит даже тебя, – порывисто пригрозила она.

– Удачи, не забудь предупредить каждого претендента, что у меня есть пушка, – я отсалютовала ей полупустым стаканом.

– Этот «Привратник» на тебя дурно влияет.

– Вот видишь, одного партнёра ты мне уже нашла, и мы с ним неплохо поладили, – с притворной обидой я прижала стакан к груди.

Сирша состроила страдальческую гримасу, но следом натянуто улыбнулась.

– Удачи! Я буду здесь, если понадобится, – серьёзнее добавила я, заметив, что она нервничает.

Краем глаза я проследила, как Микель одним глотком осушил стопку текилы и заказал ещё. Судя по равнодушному лицу, помимо барменши и выпивки его здесь ничего не интересовало. Либо у лучезарных тоже бывают неудачные дни.

Сирша кивнула и направилась к Микелю. Всё веселье исчезло с её уходом. Виски немного расслабил, но я продолжала следить за обстановкой. Лично никогда не видела, чтобы теневые проявляли агрессию, поэтому меня скорее тре-

вожили не они сами, а это место. Мне неуютно в окружении такого количества незнакомцев.

Сирша отбросила назад шелковистые волосы, вызываясь упёрлась рукой в стойку рядом с Микелем и что-то ему сказала. Тот повернулся к ней, окинул быстрым оценивающим взглядом и не отказался от последующего разговора. Вначале его брови удивлённо взлетели вверх, но затем он ответил с улыбкой на третью реплику. Я перестала наблюдать, заметив, что он не опускает взгляд ниже её лица и похоти в его глазах нет. Возможно, лучезарным неинтересен секс с людьми?

Я прекратила глазеть по сторонам, наткнувшись на уж слишком откровенно обнимающуюся пару. Девушка сидела на коленях теневого, а он, кажется, был совсем не против её съесть. Почувствовав усталость, я откинулась на спинку кожаного дивана. Хотелось ещё поразглядывать палагейцев, но в клубе лишнее внимание воспринимается как намёк, а сегодня я не настроена на ухаживания.

– Скучаешь? – приятный голос заставил меня моментально выпрямиться.

Двое парней, не спросив разрешения, уселись напротив. Сердце тревожно забило от неожиданной компании. Молодые, черноволосые, хорошо одетые и определённо привлекательные, как и все теньевые, но я всё равно выругалась про себя. В общении с незнакомцами я чаще теряюсь, нервничаю, не зная, как аккуратно от них отделаться. Некоторые принимают мои вежливые отказы за робость и с раздража-

ющим пренебрежением пропускают мимо ушей. Это всегда злит, а в гневе оставаться вежливой у меня не получается. Гнев приносит неприятности, а в «Священном грехе» неприятности – последнее, что мне нужно.

– Мы могли бы составить компанию, – добавил второй бархатным голосом.

Свои серебряные ахакоры они не скрывали. Теневые, в отличие от людей, не видят никакой значимости в золоте, не считают его драгоценнее серебра. Для них вообще состав наших металлов неприятен или же смертелен, если это пуля или лезвие. Поэтому такие места, как «Святилище греха», построены по надлежащим нормам. Если в оформлении помещения и используется наш металл, то он защищен деревом или специальным покрытием, чтобы при случайном соприкосновении не доставлять посетителям-палагейцам неприятных ощущений.

– Спасибо, но сегодня я не настроена на компанию, – деликатно заверила я, приправив всё аккуратной улыбкой.

Как и следовало ожидать, парни с места не сдвинулись.

– Ты здесь впервые, верно? – предположил один из них, игриво наклонив голову набок.

– Второй этаж самый скучный, – поддакивая, добавил его друг. – Ты не пожалеешь, если согласишься с нами посмотреть третий. У нас есть проход в VIP-залы.

Ну вот опять.

– Спасибо за предложение, но я здесь с друзьями, – поме-

няв тактику, отказала я и бросила взгляд на Сиршу.

Они с Микелем отошли к противоположной стене, и я с трудом отыскала подругу по длинным розовым волосам.

– Судя по всему, твои друзья не такие весёлые, как мы, – сказал второй, растягивая губы в широкой улыбке.

Он намеренно коснулся кончиком языка своих зубов, привлекая к ним внимание. Два верхних клыка были острее, чем обычно. Я нервно сглотнула, по спине прошла неприятная дрожь. Второй парень облизнул губы, показав, что у него есть точно такие же.

О существах с острыми клыками говорилось в старых мифах. Якобы они пьют человеческую кровь. Но это же просто байки? Никогда не слышала, чтобы теневые действительно это делали.

Пальцы сжались в кулак, я пыталась придумать хоть одну подходящую ложь, чтобы их отвести, как рядом со мной кто-то сел. Игривость сошла с лиц парней, они выпрямились и отодвинулись, выдав, что им неуютно с новым гостем.

Я повернулась к неожиданному соседу и не нашла, что сказать, увидев студента по имени Иво. Он был всё в той же серой толстовке, чёрных джинсах и крупных очках. Его волосы выглядели так, будто он встал с кровати полчаса назад. Иво продолжал строчить сообщения в телефоне, и на мгновение я решила, что он случайно ошибся столиком.

– Вы ещё здесь? – сухо спросил он, когда тишина стала давящей. – Не доставляйте проблем.

– Мы бы никогда, Иво, – теперь улыбка второго стала натянутой.

– Рад это слышать.

Непрошенные собеседники торопливо встали, а я с недоумением проследила за их скорым бегством. Иво на полголовы ниже каждого из них, но те явно не хотели с ним связываться. Это заставило пристальнее рассмотреть соседа. Он не выдержал внимания, погасил экран телефона и уставился на меня.

– Почему ты сел рядом со мной? – спросила я.

– Потому что те парни – придурки.

– Я не просила мне помогать.

– Я в курсе, – не меняясь в лице, согласился он.

– Да и мы не друзья.

– Верно, но я тебя знаю. Этого достаточно.

Я умолкла, получив от него неизменно скучающее выражение лица и какие-то нелепые ответы. Свет софитов отразился от линз в его очках, и я моргнула несколько раз, уверенная, что не ошиблась. Очки ненастоящие. Точнее, просто стекло без диоптрий. Похоже, у Иво прекрасное зрение. Однако это открытие только сильнее сбilo с толку. Очки на его носу далеки от модных трендов, я бы даже сказала, что они, наоборот, делают его образ неловким. Я отпила виски с колой, чтобы прекратить его рассматривать.

– Выходит, ты тенью?

– Палагеец, – поправил Иво. – Ты изучаешь нашу культу-

ру и должна понимать, что мы не любим эти человеческие клички.

Я закусила губу, ощутив, как румянец залил щёки. Я почти не общалась с теновыми лицом к лицу и привыкла к более повседневному названию.

– Извини, не хотела обидеть.

– Я не обиделся. Просто поправил.

– Впервые вижу студента-палагейца, – призналась я. – Думала, что у вас и у даориев свои институты.

– Верно. Я получил высшее образование в Палагеде, потом поступил в университет в Санкт-Данаме, а сейчас посещаю выборочные курсы для повышения квалификации.

Я нахмурилась, анализируя услышанное. Вроде бы он выдал список своих достижений без бахвальства, не моргнув и глазом, но какой-то совсем сухой ответ вышел.

– У тех парней были... клыки? – нерешительно спросила я, меняя тему и прикидывая, могло ли увиденное оказаться обманом зрения.

Иво впервые за весь разговор сменил выражение лица и презрительно хмыкнул.

– Обман и не более. Они из Дома Кошмаров. Причастные к этому Дому любят дразнить людей вашими же страхами. В человеческих мифах упоминаются вампиры, вот они намеренно им подражают. Клыки наращённые. Хотя я слышал, что некоторым девушкам такое в сексе даже нравится. Адреналин.

Я залпом осушила остатки виски с колой. Во-первых, из-за того, что со мной за столом сидели представители Дома Кошмаров. Второй по могущественности Дом после Дома Раздора. Во-вторых, щёки обдало жаром, когда Иво в открытую, тем же бесстрастным тоном выдал чужие предпочтения в постели.

– Они из Дома Кошмаров и боятся тебя? – не выдержав напора вопроса в голове, прямо выдала я.

По губам Иво скользнула понимающая улыбка, но почти сразу исчезла.

– Они низшие представители и боятся не меня, а Кая. В клубе я появляюсь лишь по делам вместе с ним и Элионом. Всем здесь об этом известно.

Слишком много имён и слишком мало ответов.

– Ты здесь не бываешь, – уверенно заявил Иво, впервые осмотрев меня с головы до ног. Судя по его безучастному лицу, мой внешний вид он оценил весьма средне. Это немного задело, так как я принарядилась, слегка завила волосы, накрасилась и блузку надела полупрозрачную. Весьма подходит для такого места. – Зачем ты здесь?

– Эм... выпить, – выдала я. – Откуда ты знаешь, что я здесь не бываю?

– Это моя работа. Всех постоянных посетителей помню в лицо и по именам. Этот клуб находится на нашей территории. За тем, что севернее, присматривает другая группа.

Группа?

У меня возникло странное ощущение, что я влезаю туда, куда не надо. Лучше благоразумно прекратить интересоваться тем, что мне знать не стоит. Я предусмотрительно замолкла и подала знак официантке повторить моего «Привратника». Ещё один мне определённо необходим.

Напротив нас сели Сирша и Микель. Я с облегчением выдохнула.

– Кассия, – позвала подруга, разглядывая Иво. – Это твой друг?

– Знакомый. Он ходит на лекции мистера Коллинза вместе со мной.

– Я – Сирша, подруга Кассии, – просветлев, представилась она и через стол протянула палагейцу руку для знакомства.

– Иво, – коротко ответил тот, но с улыбкой и доброжелательным рукопожатием.

Я наклонила голову, уставившись на парня. При разговоре со мной он едва ли демонстрировал хоть какие-то эмоции. Мысль о том, что привлекательность Сирши заинтересовала его, я отмела. Улыбка Иво была странной, словно копия. Как если бы он повторял выражение лица собеседника. Я невольно коснулась своей щеки, поняв, что сама ему ни разу не улыбнулась. Может, поэтому он показался мне не особо приветливым?

– Кассия, познакомься. Это Микель, – сбила с мысли Сирша, и я перевела взгляд на лучезарного.

– Очень приятно, – поприветствовал меня Микель с оча-

ровательной улыбкой.

Я глупо кивнула не в силах выдавить и слова. Те рассыпались на невнятные звуки прямо во рту. Так близко он выглядел ещё красивее и абсолютно не вызывал желания сбежать из-за стола, как было с теньвыми из Дома Кошмаров. Однако веселье сошло с лица Микеля, как только он посмотрел на Иво.

– Они пришли с тобой? – поинтересовался Иво у лучезарного.

– Нет, что-то не так?

– Рядом с Кассией ошивались бездельники из Дома Кошмаров, – ответил Иво, и Микель презрительно поморщился, будто сразу понял, о ком речь. – Мне пора идти. Проследи, чтобы девушки благополучно сели в такси.

Сирша округлила глаза, слыша командный тон в сторону лучезарного от парня, внешне похожего на первокурсника-заучку.

– Я прослежу. Твой начальник здесь. Можешь идти. – Микель пренебрежительно махнул рукой куда-то в толпу. Похоже, они на равных, но явно не друзья.

– Ты уходишь? – спросила я, когда Иво встал.

Очевидно, что он и садиться ко мне не собирался, если бы не заметил тех двоих. *Зачем вообще ляпнула эту глупость?* Теневой взглянул на меня с недоумением, вероятно, так же не понимая, зачем я спрашиваю об очевидном факте.

– Да, – протянул он. – Кай приехал.

Я кивнула, держа рот на замке: хватит донимать вопросами Иво, который скопировал мой кивок и отошёл. Микель сказал Сирше что-то забавное, и она тихо засмеялась. Официантка принесла мой коктейль и четыре стопки текилы для Микеля и Сирши. Я же продолжила следить за Иво: его странность заинтересовала меня даже больше, чем единственный лучезарный во всём клубе. Парень подошёл к уже знакомому черноволосому приятелю, который заезжал за ним днём. Тот о чём-то говорил с другим мужчиной в костюме. Иво присоединился к ним, и все трое ушли.

– Кассия, Сирша рассказала о ваших дипломах. Удивлён, что ты выбрала Переправу в качестве темы для изучения, – с улыбкой завёл разговор Микель, а я от неожиданности едва не выплюнула набранный в рот виски с колой обратно в стакан.

Микель учтиво протянул мне стоящие на столе салфетки, когда алкоголь потёк по подбородку. Я снова осмотрела его лицо, куртку и меч.

– Всё хорошо? – уточнил он.

– Да-а-а, – протянула я, бросив на Сиршу выразительный взгляд. – Просто ты застал меня врасплох. Не ожидала, что здесь кто-то говорит об... учёбе.

У Микеля вырвался смешок.

– Признаться, я тоже, – согласился он. – В этом заведении ко мне подходили с разными намёками, но ни разу не слышал от красивой девушки предложение поработать над

её дипломом.

Микель явно намеренно тянул комплименты своим медовым голосом, потому что пристально посмотрел на Сиршу. Подруга зарделась и осушила стопку текилы. Я не удержалась от очередного изумления. Похоже, внешне Микель привлёк Сиршу больше, чем ей хотелось, потому что обычно подругу практически невозможно смутить при флирте.

– Ты когда-нибудь был на Переправе? – поинтересовалась я.

– К сожалению, нет, – сочувственно вздохнул Микель. – Переправа считается территорией палагейцев. Туда можно попасть только через их проход, и лишь высшие представители даориев время от времени посещают Палагеду.

– Я никогда ранее не видела даориев.

– Скорее всего, видела, – откинувшись на спинку дивана, расслабленно ответил Микель. – Мы выглядим так же, как и палагейцы. Хотя нас действительно очень мало среди людей.

Я неопределённо мотнула головой, желая возразить, так как не была согласна. От Микеля веяло непонятной аурой спокойствия и защиты. Однако я промолчала, не зная, как правильно объяснить свои ощущения.

– К какому Клану ты относишься?

– Клан Металлов.

Невольно у меня вырвался звук восхищения. Микель рассмехался. Клан Металлов самый дружественный людям. Когда-то давно их царь посодействовал в прокладке магистра-

лей зарева, и они же помогли людям защититься ахакорами. Клан Металлов также самый могущественный среди всех остальных элементов, а их царь возглавляет Совет пяти царей.

Я опустила взгляд на его руки, ища ахакор, но одежда закрывала всё до кистей. Мне хотелось убедиться, что слухи об этом Клане не выдумка. Говорят, что на представителей Клана Металлов бесполезно наносить татуировку. Она не блокирует их силу. Вероятно, вопрос отчётливо отразился на моём лице, потому что Микель сам обнажил предплечья, демонстрируя чистую кожу.

– Так это правда? – пролепетала я, не уточняя.

– Да, мне без толку наносить ахакор. Даже кожа не реагирует на него. Моя татуировка выглядела бы точно так же, как и у любого человека.

Я невольно закусила губу, прикидывая, насколько его собратья могут быть опасны для нас.

– Получается, для твоего Клана нет разницы между нашими и вашими металлами?

– Есть, – нахмурившись, ответил лучезарный. – Ваш металл опасен для нас не меньше, чем для других даориев, просто сопротивляемость отравлению в разы выше. И представители моего Клана легко управляют металлом из Даории и Палагеды, но здешний нам почти не поддаётся.

– То есть?

– Например, от меча из даорийской стали я могу попы-

таться защититься своими способностями. Но от меча из вашего мира меня спасут лишь навыки фехтования.

Я уставилась на него с немым восхищением, рисуя в воображении картины, как он скручивает сталь одной силой мысли.

– Ничего такого, – с лишней скромностью заверил Микель, похоже, вновь прочитав все мои мысли. – Мой род не влиятельный. Я из обычной семьи, и мои способности весьма скудны.

– Но всё же ты сотрудничаешь с Дарданом Хиллом, – возразила Сирша, переводя тему в нужное ей русло.

– Верно. Потому что я единственный из Клана Металлов, решивший пожить в Санкт-Данаме. Помогаю ему с исследованиями и проблемами, связанными с даориями. Содействую при разработках по совершенствованию ахакора. Семья Хиллов столетиями занимается улучшением технологий. Ещё я консультирую Дардана, если есть какие-то проблемы с магистралями зарева.

– Ты единственный? Почему ты решил жить в Санкт-Данаме? – спросила Сирша.

– Здесь веселее и компания приятнее, – с лукавой улыбкой Микель осушил текилу и закусил лаймом, не поморщившись.

Я невольно заёрзала на месте, раздумывая, не пора ли мне вернуться домой. Судя по взгляду Сирши, она не прочь совместить полезное знакомство с приятным времяпрепровождением.

дением.

Однако я не успела ничего решить, как лицом на нашу столешницу рухнул один из тeneвых. Сирша вскрикнула, сидящий рядом Микель тут же загородил её собой, хватаясь за рукоять меча. Мой коктейль опрокинулся, залив мне блузку и джинсы, но я не обратила внимания, уставившись на парня, лежащего на столе. У того было разбито лицо, и кровь из носа растеклась по гладкой поверхности.

Ритмичная музыка продолжала звучать с первого этажа, но на втором все присутствующие прекратили свои занятия. Парень сдавленно прохрипел. Другой схватил его за рубашку на спине и без видимых усилий сдёрнул с нашего стола.

– Как невежливо, – наигранно строго заявил второй. – Сказал же тебе стоять на месте. Я не обязан за тобой бегать.

Я испуганно задержала дыхание, когда узнала в подошедшем того самого темноволосого друга Иво. Его улыбка напоминала оскал, а глаза едва не зажглись холодной зеленью в слабом, постоянно сменяющемся освещении клуба.

– Это был не я! К-к-клянусь, – пуская кровавые пузыри, взмолился тeneвой с разбитым лицом, пока друг Иво вздёрнул его за шкуру.

– М-м-м, какая жалкая ложь, – ласковый голос темноволосого сочился издевательской иронией. – Сегодня у меня выходной, – добавил он, резким движением во второй раз познакомив лицо страдальца с нашей столешницей. Не успела Сирша снова вскрикнуть, как друг Иво поднял своего со-

перника. Тот громко простонал, но остался в сознании. – Но из-за тебя я должен разгрести дерьмо.

– Хватит, веди себя прилично, – отчитал его Микель и убрал руку с меча. Я позволила себе немного расслабиться, раз лучезарный не обнажил лезвие. Судя по всему, они знакомы. Может, это и есть Кай?

– О, приветики, Микель! – растянув губы в кошачьей улыбке, ответил темноволосый. Нас с Сиршей он рассмотрел особенно пристально. – Извини, не заметил, что это твой столик. Да ты ещё и приятную компанию привёл.

Покалеченный парень, вероятно, решил, что сейчас удачный шанс для побега, но стоило ему дёрнуться и сделать шаг, и друг Иво рассерженно зашипел, схватил противника за одежду на спине и нанёс резкий удар по голени. Теневой завопил, а у меня кровь отлила от лица при отчётливом звуке ломающейся кости. К горлу подобралась тошнота от запаха крови, я побоялась опустить глаза и оценить серьёзность перелома.

– Иво! – крикнул темноволосый, уперев руки в бока, пока теневой скулил от боли у его ног.

Присутствующие молчаливо наблюдали развернувшуюся картину. Никто из них не кричал и не звонил в полицию или «Скорую». Растолкав двоих, у нашего стола появился Иво. Сперва он бросил встревоженный взгляд на меня, а затем посмотрел на пострадавшего.

– Что ты сделал?

– Иво, будь котиком, выпроводи этот мусор на улицу, – беззаботно то ли попросил, то ли приказал темноволосый.

– Ты сломал ногу, как ему выйти? – деловито заметил Иво, а я раскрыла рот от его спокойной реакции.

– Всего одну. Пусть прыгает до выхода, – без малейшего смущения ответил тот.

Иво выругался, но схватил ноющего теневого и помог тому подняться. Настойчиво толкнув Микеля бедром, темноволосый заставил его и Сиршу подвинуться и уселся за наш стол напротив меня.

– Как поживаешь, лучезарный? – весело поинтересовался незванный гость, намеренно используя прозвище, придуманное людьми. – Гляжу, ты зачастил в клуб и, наконец, прекратил вести себя как святоша.

Похоже, этот парень не только внешне собрал все стереотипы о теневых, но и ведёт себя им под стать. *Как последний придурак.*

Иво скрылся из виду, и посетители клуба вернулись к напиткам и беседам. Я же не могла пошевелиться, не веря, с каким равнодушием здесь отнеслись к насилию. Ладони вспотели, и правую руку я нервно сжала и разжала в кулаке.

– Тебя никто не приглашал. Иди, веселись дальше, – отмахнулся Микель и положил руку на ладонь Сирши, заметив, что она восприняла увиденное хуже меня. Её заметно трясло, она не отрывала испуганного взгляда от крови на нашем столе.

Я пододвинула к подруге чудом уцелевшую последнюю стопку текилы и подозвала официантку.

– Протрите стол, пожалуйста.

Девушка скованно улыбнулась темноволосому, быстро выполнила просьбу и исчезла. С её уходом я заметила, что незваный гость не сводит с меня глаз.

– Кажется, я должен тебе виски с колой, – с тем же самодовольным видом признал он, бросая выразительный взгляд на мою грудь с тёмными пятнами.

Он устроил цирк, напугал Сиршу, испортил мою одежду и даже не извинился. На место страху пришло раздражение. Я перестала нервничать.

– Кажется, ты должен мне извинение, – поправила я.

– Действительно. Прошу прощения за моё поведение. Я сегодня не выспался, – милейшим голосом оправдался он.

– Уже вечер.

– Который для меня всё равно что утро.

– Лишь бездельники могут позволить себе спать днём.

– Так получается, что по ночам я всегда занят, – без малейшей обиды парировал он. – И многое умею. Например, выводить пятна. Пойдём наверх, и я всё отстираю.

Я закатила глаза.

– Кстати, как тебя зовут? – не унимался теневой, забавляясь от того, что его присутствие за столом испортило всем настроение.

– Кассия.

– Очаровательно. Я – Элион. Но ты можешь звать просто Эль, – одаривая меня раздражающе соблазнительной улыбкой, он протянул руку для приветствия.

– Значит, ты не Кай? – зачем-то ляпнула я.

Улыбка Элиона не дрогнула, но на мгновение стала какой-то дежурной, фальшивой.

– К твоей удаче, нет.

Микель рядом согласно кивнул. Я пожала руку Элиона и обвела взглядом второй этаж, прикидывая, как побыстрее отсюда уйти.

– Ты ведь палагеец? – спросила я, надеясь отвлечь Элиона сторонним разговором.

– Он самый.

– Из какого Дома? Из Дома Гнева?

– Нет, но ты продолжай.

– Гордыня?

– А ты вспыльчивая, да? Красивая и вспыльчивая. Я таких люблю. Надеюсь, на тебе платье, и оно короткое. Подобное я быстро сниму и выстираю, – с наигранным интересом затараторил он, явно намереваясь полезть под стол и проверить, но не успел. Микель толкнул соседа и заставил прекратить игры.

– Дом Соблазна? – едва не скрипя зубами, предположила я.

Почти пожалела, что он не полез под стол и не встретил мой кроссовок лицом.

– Нет, но и без их трюков знаю, как заставить тебя кончить трижды за вечер, – ответил Элион, подперев подбородок ладонью, похоже, ожидая, что я продолжу гадать.

– Неважно, плевать, какой у тебя Дом, – отмахнулась я, надеясь, что моё лицо если и краснеет, то от гнева.

– Микель, расскажи своей подруге, кто я, – с той же наглостью обратился теневой.

– Элион разбирается с палагейцами в Санкт-Данаме, если кто-то нарушает правила, – демонстративно устало вздохнув, ответил Микель. – Если что-то происходит, то все отчитываются перед ним. Он же решает возникшие проблемы. Я занимаю точно такое же положение, но над даориями, потому что единственный представитель от Клана Металлов в Санкт-Данаме. Элион же...

Микель бросил на соседа короткий взгляд, словно Элион одним своим присутствием осквернял весь клуб.

– Люблю, когда ты меня расхваливаешь, Микель.

Лучезарный скорчил страдальческую гримасу.

– Элион единственный в Санкт-Данаме представитель высшего рода. Он племянник одного из семи архонтов.

Сирша ахнула и торопливо прикрыла рот рукой. Элион снова одарил меня самодовольной улыбкой. А я нервно сглотнула, решив, что это моё первое и последнее близкое знакомство с теневыми.

Я опустошила половину магазина «Глока», стреляя без остановки. Отдачу в руку уже практически не замечала, погрузившись в свои мысли. В «Подворотне» было пусто, середина недели, да ещё и полдень, обычно люди приходят ближе к концу дня и в выходные. Отложив пистолет, я вскинула заряженную автоматическую винтовку и прицелилась в соседнюю мишень. После трёх выстрелов рядом остановился Руфус. Он пальцем указал на наушники, чтобы я их сняла.

– Говорил же, прежде чем тренировать меткость, убедись в крепком захвате. Ты опять задираешь локоть правой руки, – отчитал он. – Как я тебя учил?

– Локоть вниз, приклад крепко к плечу и побольше точек соприкосновения, чтобы уменьшить отдачу, – заученно отчиталась я.

– И-и-и?

– Тренироваться, стреляя очередями, – пробубнила я, поняв, чем он недоволен.

– Чтобы что? – протянул он, будто разговаривая с ребёнком.

– Чтобы понять, насколько хорош захват и не прыгает ли оружие в руке.

– Хорошая девочка, Кас, – с демонстративным сюсюканьем похвалил он, трепля меня по волосам, как послуш-

ную собаку или пятилетнего ребёнка, который не стал тянуть грязь в рот.

Я не скинула его огромную ладонь, зная, что Руфус не отстанет, пока всю причёску не испортит. К счастью, волосы у меня теперь короткие и поправить легко.

– Ты чего сегодня надутая? Похмелье? От тебя несёт виски, Кас. Не думал, что ты такая, – с притворным разочарованием щёлкнул он языком.

Я поморщилась.

– У меня нет похмелья. Мы вчера с Сиршей ходили в клуб, и один недоумок разлил на мою одежду виски с колой. Я не успела отстирать джинсы. – Оттёрла пятна, но, похоже, часть запаха всё равно осталась.

– Что за недоумок?

– Теневой, оказавшийся племянником одного из архонтов.

Руфус присвистнул, верно оценив степень моей удачливости. Он забрал у меня винтовку и положил на стойку.

– К тому же он начальник Иво, который тоже палагеец, – ощутив поддержку, пожаловалась я.

– Что за Иво?

– Можно сказать, мой однокурсник в университете.

– Кас, я за тебя боюсь. Вчера ты была моей маленькой послушной девочкой, а сегодня клуб, виски, парни, да ещё и палагейцы, – с очевидной насмешкой раздосадованно пробормотал он. – Если заведёшь теневого дружка, то приведи

сюда. Я с ним потолкую, а то знаю этих клубных мерзавцев.

Фыркнув, я толкнула его в бок. Хотя это и шутка, но Руфус часто отваживал от меня прилипал, строя из себя строгого дядю. Некоторые завсегдатаи «Подворотни» действительно думают, что мы в родственных отношениях, а мне удивительно спокойно рядом с Руфусом. Не ожидала, что встречу человека, который может стать почти родным за столь короткий срок. Хотя сам Руфус почему-то семьи не завёл. Якобы не встретил подходящую партию, но мне кажется, дело в его военном прошлом.

Чуть больше двадцати лет назад между палагейцами и даориями произошёл конфликт, переросший в краткосрочные военные действия. А так как наш мир находится между ними, то именно территории Санкт-Данама стали их полем боя. Люди вывели свои армии, чтобы разнять конфликтующие стороны, иначе они бы разрушили город. Руфусу тогда едва исполнилось двадцать, он был рядовым солдатом в чужой войне. Бои длились пару недель, но начальник не говорит о них, и при любом упоминании становится замкнутым, а его взгляд нелюдимым.

В учебниках записано, что причиной столкновения послужило то ли убийство, то ли похищение единственной дочери архонта Раздора – самого могущественного Дома в Палагедде. В происшествии обвинили Клан Металлов. В итоге они пришли к какому-то согласию, военные действия были прекращены, а конфликт решён, но как именно, обычные люди так

и не узнали. Детали остались между высшими чиновниками.

– Так тот теневой придурок к вам приставал? Если хочешь, научу тебя приёмам самообороны, – серьёзнее добавил Руфус.

Он не впервые предложил, и я вновь открыла рот, чтобы отказаться, считая, что умения стрелять мне достаточно, но потом вспомнила чувство незащитности в клубе. На самом деле я никогда не проявляла интереса к оружию и разбираться в огнестрельном стала исключительно благодаря работе в «Подворотне».

– Почему бы и нет? Как время будет, давай попробуем, – согласилась я. – Но вчера ничего плохого не случилось. После знакомства Иво увёл его, а мы с Сиршей сели в такси под присмотром Микеля.

– Микель? Лучезарный?

– Да, ты его знаешь?

– Слышал. Он вроде один от Клана Металлов в городе.

Я несколько раз удивлённо моргнула, кажется, единственная не в курсе. Хотя я всегда больше внимания уделяла теневым, потому что они тесно связаны с Переправой. Не успела поинтересоваться, что ещё Руфус знает о Микеле и стоит ли тому доверять, как в кармане настойчиво завибрировал телефон.

– Алло! Привет, Лив, – поздоровалась я, зажав трубку между ухом и плечом.

Знакомый голос разразился рыданиями и бессвязным ле-

петанием. Я напряглась и взяла мобильный в руку. Помехи, что ли? Руфус вопросительно поднял брови, заметив перемену.

– Кас... Кассия, пожалуйста, п-п-приезжай, – разрыдалась Ливия. – Я... я не знаю, к-к-кому позвонить. Не знаю, что делать! – Её шёпот время от времени срывался на громкие всхлипы.

– Где ты? Что случилось?

– Я в университетской б-библиотеке. – Она немного успокоилась, но голос дрожал. – В хранилище. П-п-помнишь, я показывала? Тут не т-только книги. Кассия, я... открыла какой-то ящик, а там эта ш-ш-штука... не знаю. Она засветилась. – Ливия опять расплакалась, а я сжала зубы, напряжённо гадая, о чём она может говорить.

– Ливия, там есть ещё кто-нибудь?

– Нет, сегодня б-библиотека работала лишь до обеда, а наш главный б-библиотекарь п-попросил меня разобрать архивы. Кассия, пожалуйста, п-п-помоги. Я боюсь её трогать!

– Хорошо, оставайся там. И не подходи к... что бы это ни было. Вход в архив открыт?

– Да, пожалуйста, быстрее.

Я повесила трубку, а Руфусу хватило нескольких фраз о том, что моя подруга попала в непонятную передрагу, чтобы он отпустил меня с работы. Я сжала его руку, не находя подходящих слов для благодарности. Вряд ли где-то ещё найдётся столь понимающий начальник.

Впопыхах натянув куртку, я буквально выскочила на загруженный проспект. Заматывая горло шарфом, бросилась к ближайшему такси, которое, к счастью, оказалось свободным. На машине до университета более двадцати минут без пробок.

Я едва не снесла книжный стеллаж, ворвавшись в библиотеку через чёрный ход. Я не раз помогала Ливии и знала, где находится архив. В главном помещении никого не было, свет погашен, доказывая, что рабочий день завершён. Но по-прежнему было достаточно светло благодаря проникающим через окна солнечным лучам.

Хрипя от длительного бега, я преодолела многочисленные стеллажи и добралась до неприметной двери в конце зала.

– Ливия! – закричала я, чуть не скатившись по крутым ступеням в тёмный архив.

Громко выругалась, запнувшись на последней ступеньке. Игнорируя слабую боль в щиколотке, я стремительно двинулась вдоль старых шкафов, озираясь в поисках подруги. Стояла тишина, прерываемая моим тяжёлым дыханием, потрескиванием тусклых ламп и гулом шагов.

– Лив! Ливия, где ты?!

У меня по спине пошли мурашки от внезапных картин из различных фильмов ужасов. Может, не стоило так громко кричать в полуподвальном помещении после того, как подруга позвонила, рыдая и прося о помощи? Кто знает, что за чертовщина её напугала.

– Кассия! – отозвался голос из другого конца хранилища.

Я шумно выдохнула и бросилась туда, на ходу разматывая чёрный шарф.

– Проклятье, Лив! Ты меня до смерти напугала! – рявкнула я, заметив, что она цела и невредима. Подруга ползала на карачках, что-то упорно высматривая под комодом.

– Я... прости. Но эта штука. Она на меня напала.

– Что за штука?

Ливия махнула рукой, прося опуститься на колени.

– Кассия, думаю, я нашла осколок, – шёпотом поделилась она, когда я выполнила просьбу. – Осколок Переправы.

– Вряд ли. Как он мог здесь оказаться? – проямлила я и заглянула под комод.

Что-то у дальней стены отражало скудно падающий свет.

– С чего ты взяла, что это осколок? – серьёзнее спросила я и взглянула на подругу.

Ливия действительно выглядела неважно: опухшее заплаканное лицо, покрасневшие глаза, растрёпанные волосы и одежда в пыли.

– Я открыла вон тот ящик. Нужно было составить опись, – начала она, ткнув в массивный сундук. В архиве библиотеки помимо книг хранились старые рукописи, антиквариат, какие-то редкие изделия, требующие реставрации. Имелись маленькие скульптуры, картины и пара потрёпанных гобеленов. – Там была шкатулка. Я открыла, чтобы записать содержимое, а оно засветилось и выпрыгнуло на меня.

Ливия продемонстрировала дрожащую правую руку. Помимо линий её золотого ахакора виднелись отчётливые бордовые спирали. Словно какая-то стальная цепь впилась до синяков в кожу.

– Я его еле отцепила. Ударила толстой книгой, и оно забилось сюда. – Ливия вновь указала под комод.

– Оно?

– Да, кажется, осколок в виде какого-то ожерелья. Кассия, я хотела позвать мистера Коллинза, но его сегодня нет. А помимо него лишь ты интересуешься Переправой. Ты знаешь, что с ней делать и как обратно запихать в шкатулку?

Тот самый последний одиннадцатый зеркальный монолит, который поймал молнию, почернел и раскололся на множество частей. Он рассыпался, но даже будучи одним, без пары, смог открыть проход на Переправу, которая, в свою очередь, соединялась с Палагедой. Поэтому с годами куски монолита стали называть «осколками Переправы». Санкт-Данам был основан как можно ближе к этому месту, и теперь роща, по которой их разбросало, находится на территории теневых и тщательно ими охраняется.

Однако в смутные времена, когда проходы только открылись, некоторые люди крали найденные осколки монолита. Перепродавали или прятали в своих коллекциях как высшую драгоценность. После установления мира палагейцы объявили награду за каждый кусок обелиска. Какие-то были возвращены, какие-то утеряны. Сами теневые не в курсе, сколь-

ко обломков растащили люди.

Это основная информация, известная многим, но Ливия права. Я давно изучаю Переправу. Пришлось потрудиться, чтобы выяснить, почему за осколками с остервенением охотятся группировки контрабандистов. Дело не только в крупных суммах, что палагейцы готовы заплатить, но и в самой Переправе. Она – живой организм. Считается, что монолит перед взрывом вобрал её часть. Возврат осколков на Переправу важен для её благополучия. Говорят, Привратник – владелец Переправы – готов выполнить любое желание в обмен на них.

У меня вспотели ладони, в груди сдавило и дыхание сбилось при мыслях о многочисленных возможностях.

– Хорошо. Для начала его нужно вытащить, – решила я, осмотревшись вокруг. Одно дело читать об артефактах и совсем другое встретиться с куском зеркального монолита лицом к лицу.

– Это всё, что я нашла, – виновато пробормотала Ливия, протягивая мне длинные щипцы.

Я резко выдохнула, собираясь с духом. Взяла щипцы и полезла под комод. Осколок действительно напоминал ожерелье из чёрных зеркальных бусин. Я подцепила их и вся напряглась, ожидая реакции, но те оставались спокойными. Ни намёка на какое-либо отличие от обычного украшения. Вытянула наружу и выпрямилась, демонстрируя Ливии, кажется абсолютно простые чёрные бусы.

– Ты уверена, что это оно? – Я скептически рассмотрела украшение.

Никакого странного свечения.

– Клянусь, оно напало на меня, – порывисто выдала Лив с растерянностью на лице. – Я взяла его в руку, а оно набросилось...

Предупреждение не успело сорваться с губ, как подруга прикоснулась к украшению. То ожило, слабо засветилось, изогнулось, словно гадюка, и бросилось на Ливию. Визг оборвался, когда ожерелье убийственным кольцом сдавило Лив горло. Спинай её пригвоздило к стеллажу, несколько пыльных книг рухнули с верхних полок. Я бросилась к подруге, схватилась за чёрное украшение и потянула, пытаясь отцепить. Лицо Ливии покраснело, я упёрлась ногой в стену и со всей силы дёрнула на себя. Удалось его немного разжать, и Лив со свистом втянула воздух. Пальцами правой руки я крепче обхватила бусины, раздалось недовольное шипение. Соппротивление резко ослабло, и по инерции я рухнула назад.

Ожерелье сменило направление и бросилось на меня. Я в последнее мгновение успела просунуть ладони между шеей и ожившим украшением. То с невероятной силой отбросило меня к противоположной стене. Я простонала, задев поясницей столик со свитками, те разметались по полу, бронзовая статуэтка загудела, рухнув на пол.

– Да отцепись же ты! – рявкнула я, но амулет давил и извивался, будто наполненный праведным гневом.

Перед глазами начали плясать пятна, воздуха не хватало, Ливия металась в поисках подходящего оружия. Она что-то мне говорила, но было не разобрать из-за звона в ушах. Я закричала от натуги, пытаясь оттянуть бусы, ставшие удавкой, но те явно намеревались меня убить. Уже на краю сознания всплыло воспоминание об услышанной байке про осколки Переправы. Тогда я посмеялась, решив, что это не более чем сказка, блеф, но сейчас была готова хвататься за всё, что могла. Молясь про себя Привратнику, я убрала правую руку с ахакором, оставив только левую. Украшение сдавило шею сильнее, я захрипела от боли и сползла по стене на пол. Однако осколок прекратил так светиться и больше не шипел.

– Отпусти... я отнесу... тебя к Привратнику, – сипела я, онемевшие губы едва двигались. – Обещаю... отнесу домой.

Давление немного ослабло, я моментально дёрнула и отбросила украшение в дальний угол. То рухнуло и замерло, и я зашлась в хрипящем кашле.

– Кассия! Ты в порядке? – дрожащим голосом спросила Ливия, придерживая меня за плечи.

Я закивала и, продолжая кашлять, не спускала настороженного взгляда с осколка. Тот лежал, слабо отражая свет лампы с заревом. Ожерелье вновь прикидывалось простым, не двигалось и не сверкало, никак не демонстрируя былую враждебность.

– Где ты его... нашла? Покажи мне шка... тулку, – попросила я, с трудом восстанавливая дыхание. Шею саднило. Не

удивлюсь, если завтра там будет синяк.

Ливия протянула маленький серебряный ларчик, местами украшенный золотом. Я повертела его в руках, заметив вскрытый замок. Притом без ключа. Это замок-загадка в виде головоломки.

– Он был заперт. Ты вскрыла его! – догадалась я, и подруга мигом пристыженно покраснела.

– Мне нравятся головоломки. Сказали сделать опись, вот я и... – оправдывалась Лив, не выпуская из рук найденный где-то совок для мусора.

– Похоже, из-за металла он такой агрессивный, – пробормотала я, отставив шкатулку подальше.

Я сидела, поглядывая на молчаливый осколок. Что же с ним делать?

– Агрессивный? Как ты его утихомирила?

– Переправа отличается от Палагеды и Даории тем, что является живым организмом. Поэтому она постоянно изменяется, сотканная из реальных снов и кошмаров. Переправа создаёт иллюзии под стать страхам или фантазиям, – напомнила я, не уверенная, насколько хорошо Ливия запомнила лекции. – Считается, что расколовшийся монолит выбрал кусок Переправы, то есть часть живого организма. Наши металлы неприятны для осколков, как и для палагейцев и даориев. Ты взяла ожерелье правой рукой...

– Мой ахакор! Поэтому оно набросилось? – подхватила Ливия.

Я кивнула.

– И неизвестно, сколько оно пролежало взаперти в шка-
тулке. Отсюда и агрессия. Но, похоже, оно... боится, – пред-
положила я. – Или страдает.

Ливия уставилась на меня во все глаза, из-за чего я рас-
терянно пожала плечами, не в силах объяснить своё предпо-
ложение. Меня охватила неясная жалость к стеклянным бу-
синам. Была ли металлическая шкатулка для осколка тюрь-
мой?

– Ты сказала, что отдашь ожерелье Привратнику. Ты мо-
жешь это сделать? – серьёзно спросила Лив, отложив совок.

– Думаю, да. Нужно просто отнести к проходу в Палагеду.
Говорят, этого достаточно.

– Теневые охраняют свой проход как зеницу ока.

Я нехотя вспомнила об Элионе. Он племянник архонта и
наверняка имеет доступ. Но эту мысль я тут же отмела, не
желая вновь с ним встречаться.

– У мистера Коллинза есть знакомый коллекционер среди
теневых. Спрошу у него, – заверила я.

Ливия кивнула, взяла шкатулку и начала записывать за-
мок-головоломку, сдвигая пазлы.

– Что ты делаешь?

– Закрою и спрячу, так чтобы на неё никто не наткнулся.
В описи отмечу, что нашла шкатулку.

– Лив, тебе точно не попадёт, если я его заберу?

– Точно. Сомневаюсь, что кто-либо вообще знал о его су-

ществовании. К тому же ты сказала, что осколок – часть живого организма, – с большим сочувствием взглянула на украшение Ливия. – Неправильно его запереть. Лучше вернуть Привратнику.

Я взяла совок и направилась к осколку. Нет ничего нелепее, чем защищаться от ожерелья мусорным совком, но другого оружия не было. Вздохнула и настороженно приблизилась: осколок не выказывал былой угрозы.

– Мы с тобой поладим, только если ты не будешь пытаться никого убить, договорились? – Я ощутила себя полнейшей душой, строго выдвинув условие кускам стекла.

Те слабо мигнули, но остались на месте.

– Я не буду тебя запереть в металле. Обещаю, что отнесу к Переправе. По рукам?

Я стёрла идиотскую улыбку, которая появилась после того, как ожерелье снова засветилось. Осколок повибрировал несколько секунд, видимо, соглашаясь, и успокоился. Я аккуратно подняла его левой рукой, помня, что правую с ахатором нужно держать подальше. Украшение оказалось вдвое тяжелее, чем я представляла. Крупные бусины с трещинами внутри, настоящее чёрное стекло. Я ощупала гладкую поверхность. Явно обработанную вручную.

– Какому сумасшедшему пришло в голову из осколка сделать украшение? – пробормотала я.

– Богачи бывают странные, – буркнула Ливия, хотя её семья тоже относится к весьма состоятельным. – Когда у них

есть всё, они ищут нечто эксклюзивное. Не останавливает, даже если приобретённая редкость грозит опасностью. Наоборот, уникальность поднимает стоимость.

– Лив, ты понимаешь, сколько это может стоить? – не сдержавшись, спросила я.

Та окинула меня сосредоточенным взглядом, потратив секунды для повторного раздумья, но решения не изменила.

– Знаю. Поэтому и отдаю. Я доверяю тебе, Кассия. Ты отнесёшь его к Переправе. Да и мне будет спокойнее спускаться в архив, зная, что оно больше на меня не набросится.

Сглотнув, я спрятала ожерелье в кармане куртки. Мне стало стыдно перед подругой, но правду я проглотила, не позволив себе упустить столь удачную возможность. Как и многие, я надеялась когда-либо заполучить осколок. Люди знали, что они растащены по нашему миру, и найти их было тем же самым, что выиграть в лотерею главный приз. Вроде может каждый, но шанс немыслимо низок из-за количества участвующих. Однако я уповала на везение не ради денег, а из-за обещанного Привратником желания. Одно у меня есть.

На следующий день я не пошла на пары, сказав Сирше, что устала и всю ночь меня мучала бессонница. Частичная ложь. Уснуть мне действительно не удалось. Вначале я разглядывала ожерелье, наслаждаясь странным теплом бусин, пока перебирала их пальцами, словно чётки. Временами осколок начинал слабо гудеть, будто ему это тоже нравилось. Потом я спрятала его подальше и принялась листать все имеющиеся учебники и книги с информацией о Переправе. Проглядела свод законов, ища основание, на котором человек может подобраться к Переправе, не рассказывая всем, что владеет артефактом. Судя по слухам, не только люди готовы убить за такое сокровище, но и среди теневых хватало контрабандистов. Кто знает, какие желания они хотят исполнить через Привратника? К несчастью, я так и не нашла ни одной лазейки. Проход на Переправу под полным и единоличным контролем палагейцев.

Похоже, мои покрасневшие от усталости глаза убедили Сиршу, и она пообещала поскорее вернуться домой. Я махнула рукой, отвечая, что не стоит, потому что мне ещё предстояло отработать смену в «Подворотне».

Благо в клубе опять было мало посетителей, и мы с Руфусом коротали время, перекидывая друг другу пистолет. Начальник учил меня умению хватать и целиться в мишень с

минимально затрачиваемым временем. Начинали с незаряженного оружия, после со вставленным магазином, но без патронов. Сперва упражнение было сложным, но мышечная память с каждым разом становилась всё лучше, и я уже не боялась ловить пистолет, зная, что он не заряжен.

Про вчерашнее Руфусу я соврала, рассказав, что кто-то стащил книги из библиотеки, и Ливия расплакалась, боясь, что её накажут за пропажу. У начальника явно остались сомнения, но я усердный работник и всегда была честна, поэтому он не стал расспрашивать подробнее.

Последний рабочий час я была как на иголках, часто проверяла сумку, в которую спрятала осколок. Туда же положила «Глок», решив, что в район теневых без пистолета не сунусь.

К пяти часам дня я закончила свои обязанности и выпроводила парочку друзей, соревновавшихся в меткости. Перед уходом, незаметно для Руфуса, надела портупею и проверила пистолет в кобуре. Если начальник увидит на мне оружие, то сразу догадается, что я собралась в небезопасное место. В определённой ситуации я бы с радостью взяла опытного военного в качестве охраны, но сомневаюсь, что Аякс – друг мистера Коллинза – пустит нас вдвоём.

Я потратила слишком много денег на такси в последние дни, поэтому выбрала подземку, чтобы добраться до нужного района.

– Теневые нам не друзья и не союзники! – раздалось где-

то сбоку, когда я подходила ближе к станции метро.

Замерла, слыша, как мужскому крику вторили согласные голоса.

– Из-за них умирают люди, отравленные грехом! Они должны убраться из нашего города!

Вновь недовольные мужские и женские возгласы поддерживали скандирующего. Похоже, недавнее происшествие дало новую пищу для ненависти к тeneвым. Как и многие прохожие, я с неодобрением взглянула на бастующих. Они собрались у входа в парк, держа над головами разрисованные лозунгами плакаты и выкрикивая резкие фразы в адрес тeneвых, которых в округе практически не было. Фанатики.

Больше двух тысяч лет прошло, но оставались малочисленные группы людей, считающих, что лучезарные – приспешники Единого Бога, а тeneвые – падшие и греховные твари, пришедшие в наш мир, чтобы развращать и убивать. Да, палагейцы действительно способны негативно влиять на людей, но давно установлено, что делают это не специально. Поэтому они добровольно наносят себе ахакры, хотя те явно причиняют им дискомфорт. Именно палагейцы дали нам мощный скачок в развитии, поделившись заревом.

Сами тeneвые относятся к фанатикам с безразличным снисхождением, зная, что подобные группы всё-таки малочисленны и помимо мелких митингов мало что могут. В стороне я заметила отряд полиции, собирающийся разогнать выступающих.

Я тряхнула головой, отбрасывая бесполезные мысли, и спустилась в подземку. Впервые я собралась на территорию теневых. Нервноичая, прижала сумку к себе, ожидая оказаться в бандитском, неблагоприятном районе. Я была готова ко всему: к мусору прямо на дороге, к отсутствию автобусов, к пустынным улицам. Поэтому глупо разинула рот, когда столкнулась с людьми, выйдя на нужной станции метро. Те не выглядели встревоженными, а спокойно садились или выходили из поезда. Выбравшись на поверхность, я и вовсе огляделась, решив, что ошиблась остановкой. Пришлось перечитать указатель, а затем свериться с картой в телефоне.

Район теневых не просто ничем особо не отличался, он оказался... богаче, роскошнее. Стекланные высотки, отражающие солнечные лучи, чистые тротуары, многополосные дороги для машин, магазины с дизайнерской одеждой, кафе и кондитерские, демонстрирующие шедевры кулинарии. Заинтригованная увиденным, я останавливалась у каждой витрины, запоминая, какие бренды нравятся палагейцам. Мимо по ровным дорогам проезжали такси и машины, притом большинство из них принадлежали к элитному классу.

Для комфорта палагейцев некоторые автомобили сделаны из их металла, а другие – со специальным покрытием. Такие машины имели выделяющиеся номера, чтобы палагейцы знали, в какое такси им садиться.

Среди всего увиденного единственное отличие – это соотношение людей и теневых. Количество вторых преоблада-

ло. Да и сами дороги не выглядели загруженными. В человеческих районах в час пик собирались длительные пробки, здесь же, судя по всему, такой проблемы не было.

Лишь несколько палагейцев бросили на меня взгляды, остальные не обращали внимания. Люди же и вовсе шли мимо, занятые личными делами или работой.

В светлое время суток район палагейцев безопасен для посещения, хотя всё равно оставалась трудность: на территории теневых действуют представители их власти и их законы. Сомневаюсь, что расхаживать с пушкой, которая может их убить, – хороший тон. В витрине отразилась моя недовольная гримаса, когда я вспомнила, что один из представителей власти здесь – Элион. *От него стоит держаться подальше.*

До сумерек осталось часа полтора, нужно поторапливаться. Я сверилась с картой и свернула с широкого проспекта на улицу поменьше. Там прошла ещё пару поворотов. Людей и теневых вокруг становилось всё меньше. Следующие десять минут я плутала, прежде чем наткнулась на долгожданную вывеску «Антикварный магазин Аякса». Преодолев смущение, я толкнула деревянную дверь. Прозвенел колокольчик, и я торопливо прикрыла вход, чтобы не впускать прохладный весенний воздух.

Внутри помещение напоминало обычную лавку старьевщика. Статуэтки странных форм, старые книги за стеклянными дверцами шкафов, посуда, украшения, часы, другие непонятные мне вещи.

– Добро пожаловать, что-то ищете? – Я едва не подпрыгнула от звука чужого голоса и обернулась к высокому мужчине.

В возрасте, но стройного телосложения, вокруг глаз собрались мимические морщинки. Чисто выбритое лицо, здоровая загорелая кожа, длинные каштановые волосы с проседью собраны в низкий хвост и почти чёрные глаза. Он опирался на металлическую трость с гравировкой.

– Человек. – Мужчина растянул губы в улыбке, и я поёжилась. – Обязан чем такому нечастому гостю? Да ещё и ребёнку.

– Мне двадцать два, – невольно возразила я.

– Дитя.

Я застыла с глупо раскрытым ртом, не найдя контраргументов для его категоричного итога. Улыбка незнакомца стала снисходительнее, и я вспомнила, зачем вообще пришла.

– Меня зовут Кассия. Я... я ищу Аякса. Мой преподаватель в университете – мистер Коллинз – сказал, что здесь мне могут помочь.

– А-а-а, так ты ученица Коллинза. – Его тёмные глаза удовлетворённо блеснули, и теневой осмотрел меня с ног до головы. – Я и есть Аякс.

Я скопировала его взгляд, осмотрев собеседника с ног до головы. Профессор упомянул, что Аякс стар, а этот мужчина ну, может, лет на десять старше Руфуса. Разве что одежда странная: белая рубашка, жилетка с часами на цепочке,

штаны со стрелками и кожаные туфли. Будто ему нравится образ персонажей старых романов.

– Профессор поделился, что у вас роскошная библиотека и вы можете рассказать мне про Переправу.

– Переправа, – сладко протянул Аякс, облизнув губы. – Восхитительно. Так мало людей о ней говорят. Боятся Привратника. Все боятся Привратника, но о ней столько можно поведать! – воодушевлённо заговорил Аякс и махнул рукой, приказывая идти следом.

От его улыбки веяло чем-то мрачным, нечеловеческим, словно восторгом безумца, но я преодолела страх и зашагала за ним, стараясь не привлекать внимание к кобуре под мышкой. Аякс откинул бархатные занавески и провёл меня в следующее помещение, напоминающее гостиную. Несмотря на далеко не старое лицо и стройное тело, Аякс двигался, тяжело опираясь на трость. Шаг был шаркающий и медленный.

– Садись, – приказал он, указав на мягкий диван, обитый красной парчой.

Я подчинилась, внимательно осматривая помещение. Оформленное в роскошном барокко, оно напоминало музей. Тёмно-красные обои, массивная мебель с многочисленными позолоченными украшениями, белый невысокий потолок с лепниной, даже канделябры на стенах, а вместо привычного зарева горели свечи.

Я шумно втянула носом запах жженого воска. Благодаря наличию зарева в большинстве крупных городов стали не

нужны нефть, уголь, древесина, воск и прочее, как источник горючего или энергоснабжения, но богачи любят время от времени разжигать настоящие камины или свечи.

Забавы элиты, так как это стало дороже зарева.

– Совсем ребёнок, поэтому пей чай. Надеюсь, крепкий любишь, – пробормотал Аякс, ставя передо мной дымящуюся чашку тёмного напитка, хотя я не просила.

Я напряглась. Профессор предостерёг насчёт спиртного, но про чай ничего не упомянул. И всё же я только пригубила напиток, пока не решаясь сделать настоящий глоток. Теневой сел напротив, сложил руки на набалдашнике трости и, продолжая улыбаться, выжидающе уставился на меня. Я невольно закашляла, чувствуя себя дворовым котёнком, которого добрый человек впустил погреться, а теперь умиляется, пока тот ест предложенную пищу.

– Ваша трость металлическая?

– Да, но не из ваших металлов, – Аякс оттянул манжету рубашки, демонстрируя край серебряного ахакора. – Будь эта трость из вашей меди, думаешь, я не смог бы её касаться?

Мой незамедлительный кивок вызвал у Аякса сдавленное хихиканье, отчего теневой ещё больше произвёл до жути странное впечатление.

– Ошибаешься, человеческое дитя. Можем мы жить среди ваших металлов, хотя трогать их неприятно. Губительны они лишь при попадании в тело. Как пуля. Даже если она ранит не самый важный орган, из-за отравления лечение будет

долгим.

– Регенерация вашего организма вдвое или втрое быстрее, чем у людей, – отчиталась я в своих знаниях.

– Верно, – похвалил Аякс. – Если мне в ногу воткнуть нож из металлов моего мира, то после удаления лезвия рана заживёт за несколько дней. Если же воткнуть нож из вашего мира, то рана будет заживать неделю, и то если я приму специальные лекарства. Они нейтрализуют отравление, их наши учёные разработали. Но любой нож убьёт меня сразу, если окажется, например, в сердце, – без какого-либо стеснения поделился Аякс, задумчиво пожевав нижнюю губу. – Тебе чай не по нраву?

Я растерялась от внезапной обиды в его голосе, поэтому, не подумав, сделала большой глоток и закашлялась. Тот был каким-то слишком крепким.

– Вы – люди – даёте горячие напитки гостям, а я радушный хозяин, – почти с детским хвастовством заявил он, отчего у меня руки покрылись мурашками.

– М-м-мистер Коллинз сказал, что у вас могут быть книги с информацией о Переправе, – выдавила я, решив как можно быстрее найти что нужно и уйти.

– О да, да! Есть такие, – Аякс огляделся, ища что-то на стеллажах, но не предпринял попытки встать. Расслабленно откинулся на спинку дивана и упёр в меня немигающий взгляд. – Но тебе будет тяжело их понять, если не знаешь, как появился мой мир. История тебе известна?

– Да. В университете нам прочитали лекции...

– Не-е-ет. Ты знаешь нашу историю так, как знаем её мы?

Я немного запуталась, не понимая, что именно он от меня ждёт, но, похоже, эта заминка дала ему исчерпывающий ответ.

– Позволь поведать, – воодушевился он, я не стала спорить и согласно кивнула, не желая ненароком оскорбить теневого.

Может, из его рассказа узнаю что-то уникальное. Мне необходимо произвести хорошее впечатление: если я ему понравлюсь, то смогу приходить сюда регулярно. Я снова окинула взглядом комнату, руки зачесались от трепета при виде книг, написанных теньевыми. Сколько же в них секретов? Даже в крупной библиотеке университета подобной литературы очень мало. После того как люди нашли управу на другие расы при помощи огнестрельного оружия, палагейцы и даории стали весьма неохотно делиться информацией о себе и своих мирах.

– Тебе известно, что мы с даориями почти родственны? Внешне отличить вы нас неспособны, живём мы схожий срок и слабости к здешним металлам у нас одинаковые, – заговорил Аякс, и я уверенно закивала. – А всё потому, что мы являлись единым народом. Но это было так давно, что даже мы не помним, как тогда назывались. Сохранился только корень «палагэ», от которого произошло название нашей расы и мира. Во главе нашего общества стояли могущественные

боги, – с восхищением протянул собеседник, а его тёмные глаза заволокло мечтательной пеленой. – И речь идёт о настоящих богах: зримых, живых, ходящих среди своих подданных, а не о ваших представлениях о высшей силе, которую никто толком не видел. – Аякс вновь издал высокий, неподходящий его образу смешок.

– Мойры? – уточнила я, и тот рассмеялся громче.

Я старалась не чувствовать себя оскорблённой, видела, что Аякс не пытался меня задеть. Скорее, его веселила ограниченность наших знаний. Возможно, я для него как мышь, безнадёжно ищущая выход в лабиринте, а он тот самый учёный, наблюдающий за моими потугами со стороны.

– Мойры действительно богини – хранительницы судеб, но богов куда больше. Всё началось с Хаоса, из которого родились Эреб – бог вечного мрака и Никта – богиня ночной темноты, – голос Аякса завибрировал от трепета. – Слышала о них?

– Да. Их дети стали первым поколением правящих богов: Танатос, олицетворяющий мирную смерть, Гипнос – бог сна, Морос – несущий погибель, Гемера – богиня дня, Эфир – бог воздуха, Немезида, отвечающая за возмездие, приносящая раздор Эрида, следящие за судьбами мойры и многие другие.

– Верно! – обрадовался теневой. – В то время мы с даориями были едины, как и семья наших богов. Но с течением времени среди нас появились удостоенные гения, именно таланты разделили мой единый народ на две расы. Даориями

именуют тех, кто получил дар влияния на материальное. На элементы, которые мы в силах либо ощутить, либо увидеть. Даории верят, что их возможности от Эфира и мойр. Хранительницы судеб позволили любимому брату – Эфиру – прикоснуться к чьим-то нитям и наделить тех особым потенциалом.

Нам на лекциях рассказывали про разделение единой расы на две из-за способностей, но я уже догадывалась, что рассказ Аякса будет намного более детальным. В горле пересохло от волнения. Мне хотелось вытащить блокнот и сделать пометки, но я боялась двинуться и сбить палагейца с мысли. Только продолжала подносить чашку к губам, допивая чай.

– Но другим богам тоже стало интересно, особенно Мому – богу насмешки. Заинтриговала его мысль, как он может повлиять на народ. Мом подговорил своих братьев и сестёр наведаться к нитям судьбы и прикоснуться к ним ради шутки. Он отвлёк мойр, дабы потрогать сплетённые ими жизни, но его перехитрили Эрида и Гипнос. Сеющая раздор Эрида первая тронула нити, поэтому Дом Раздора и считается самым сильным в Палагеде. Следом Гипнос одарил некоторых и получил Дом Кошмаров. Лишь третьим к нитям подроспел Мом, создав Дом Чревоугодия. Самый неоднозначный из всех, чьё название сродни сатире. Этот Дом на старом языке именуется Домом Жажды, Голода или Ненасытности. Его представители распространяют тягу не только к пище, но и к деньгам, красивым безделушкам, власти и прочему.

– Почему Мом не сделал Дом... Насмешки? – с недоумением спросила я, вызвав у Аякса новый приступ веселья.

– Потому что Мом плут и любит посмеяться. Представители Дома Чревоугодия распространяют несдерживаемое желание потреблять больше, чем требуется, и, судя по всему, чрезмерное потребление пищи их основоположник находил до омерзения смешотворным. Мом подбил ещё нескольких богов на шутку над мойрами. Поэтому трогать нити пришёл Эрот, породивший Дом Соблазна, Лисса – богиня гнева и так далее, – опять хохотнул Аякс. – Эфир прикоснулся к нитям с позволения мойр, но наши покровители сделали это обманом, развлекаясь.

Теневой выдержал паузу, и я выдохнула неосознанно задержанный в лёгких воздух.

– Так мы – палагейцы – стали воздействовать на нематериальное. Начали эмоциями управлять и желаниями. Однако мойры тем обманом были недовольны и сделали так, что влияние происходит без нашего желания. Мы эти способности мало контролируем, в отличие от даориев.

– Получается вы – даории и палагейцы – жили все вместе?

– Да, на заре нашего развития. Но после получения нынешних способностей стали отдаляться друг от друга, словно чуждые народы. Время шло, у богов рождались дети, а наши поколения сменялись. Некоторые боги ушли в другие миры. Наши не единственные, их много.

Я постаралась не задумываться над этим. Не представляю,

что будет, если однажды откроются проходы в незнакомые места. А если с теми расами нам не удастся достичь такого же согласия, как с теневыми и лучезарными?

– Мойрам так понравилась сотворённая ими с Эфиром раса, что они взяли её под своё покровительство и увели в другой мир. Так произошло разделение на Палагеду и Даорию. Во главе даориев встали три сестры-мойры, а палагейцам покровительствовали три брата: Танатос, Морос и Гипнос.

– И тогда Переправа стала связующим звеном между мирами?

– Верно. К тому времени мы стали слишком разными, отношения между нашими народами всё ухудшались. Происходили стычки и войны. Богам это претило. А созданная Гипносом Переправа не только соединила, но в какой-то степени и разделила наши миры. Во главе неё он поставил своих детей. Ты знаешь, кого ему родила Пасифея? – преподавательским тоном поинтересовался Аякс.

– Да. Жена Гипноса – Пасифея – была прекраснейшей из харит и родила ему трёх сыновей. Морфея – бога сновидений, пророческих или же лживых. Фобетора, которого прозвали пугающим, потому что он бог ночных кошмаров. И третьего, Фантаса – бога фантазий и сюрреалистических видений, – без запинки ответила я, в душе всё завибрировало от мысли, что мы подошли к желанной теме.

– Точно-точно! Поэтому Переправу пройти непросто. Она напоминает сны, меняется под того, кто пытается её пере-

сечь, – серьёзное ответил Аякс и нахмурился, рассматривая мою пустую чашку чая.

Он наклонил голову сначала в одну, потом в другую сторону, будто что-то ему было не ясно. Повисшая тишина начала давить. Я поёрзала, неуверенная, погрузился ли Аякс в раздумья или уже закончил рассказ.

– Но ведь их больше нет, – выпалила я, не выдержав затянувшегося молчания. – Морфея, Фобетора и Фантаса. Это правда, что они мертвы? Разве можно убить богов?

– Как оказалось, можно. Ужасающая трагедия. Это была война, что мы теперь именуем «Войной разрыва». Конфликт, погубивший детей Гипноса и его жену Пасифею. Конфликт, в итоге которого Танатос и Морос ушли, Гипнос обездумел и разорвал связь между Палагедой и Даорией, лишив наши расы возможности встречаться и вредить друг другу, – без былого веселья ответил Аякс. Его голос понизился и стал больше подходить теновому.

– Это правда, что Гипнос создал Привратника?

– Да, он создал стража Переправы. Привратник отличается от нас всех. Он часть самой Переправы, поэтому владеет сумраком и иллюзией. Говорят, что он вечен.

– Вы его встречали? – напряжённо сжав деревянную столешницу пальцами, я подалась вперёд.

Аякс поднял на меня взгляд, я вздрогнула, поняв, что с самого начала казалось неправильным в его лице. Чёрные глаза выглядели больше нормального размера, словно радужка

шире в диаметре, чем обычно, из-за этого они напоминали акульки. Теневой почуял мой испуг и обнажил ровные зубы в улыбке. Не зная я, что палагейцы точно не едят людей, подумала бы, что он не прочь обглодать мои кости.

Аякс ничего не ответил. Меня охватило разочарование и отчётливое понимание, что его молчание не означает отрицательный ответ. Аяксу что-то нужно. За информацию он хочет нечто взамен.

– Ты странное человеческое дитя, – протянул он.

– Меня зовут Кассия.

– Кассия-человеческое-дитя, – передразнил он. – Я чую в тебе гнев, раздор и... кошмары, – он проворковал последнее слово так, будто оно слаще любого нектара. Для удержания невозмутимого выражения лица мне потребовалась вся выдержка. – Я надеялся, что ты расскажешь мне несколько новых снов.

Аякс бросил разочарованный взгляд на пустую чашку с чаем. Мысли панически заметались, хотя моё лицо оставалось бесстрастным. *Не мог же он...*

– Что вы добавили в чай? – строго спросила я, холодея под напускным спокойствием.

– Мак. Любимый цветок Переправы, – просто ответил Аякс, продолжив хмуриться и размышлять над непонятной задачей.

– Вы подмешали мне наркотик?!

– Нет. Всего лишь снотворное. И, похоже, положил слиш-

ком мало. Разве Коллинз не предупредил, что в качестве платы за информацию я беру истории из снов? – скалясь в улыбке, уточнил теневой, но почти моментально выражение его лица сменилось на детскую растерянность. – Хотя он сам, наверное, не знает. Ему я даю выпивку, и Коллинз думает, что провалы в памяти – последствие крепкого алкоголя.

Я начала хватать ртом воздух, не зная, возмущаться мне или молчать. Мысль о том, чтобы отключиться в доме теневого, вызывала ужас. Хотя стоило догадаться, что палагейцы никогда ничего не дадут бесплатно. Аякс же хотел рассказ о моих снах. Это странно, но у палагейцев свои причуды. Благо он действительно ошибся с дозировкой, сонливости я не ощущала.

– Тебе нравится их смотреть? – сбил меня с мысли Аякс.

– «Их»?

– Кошмары.

– Нет, – отрезала я, вновь скрыв все эмоции.

– Как жаль, – искренне отозвался Аякс. – Но может, порадуешь старика и поделишься хоть одним? О чём они?

Меня давно никто не спрашивал.

– Об огне.

– Огне?

– Чёрном пламени.

– О-о-о, как интересно, – теневой воодушевлённо подался вперёд, в глазах зажёгся интерес. – Чёрного пламени не бывает.

– Не бывает.

– Тогда это кошмар или же... фантазия? – заинтригованно спросил Аякс, и я всерьёз задумалась.

Не успела ответить, как позади прозвенел колокольчик. Входная дверь хлопнула, позволив сбросить наваждение и оторвать внимание от глаз собеседника. Раздались приближающиеся торопливые шаги.

– Деда! Ты опять забыл запереть дверь! Я же говорила...

Девушка замерла на середине фразы, заметив меня. Высокая, красивая, как и все теновые. Пышные, шоколадного цвета волосы блестели в свете пляшущего пламени свечей, глаза не столь тёмные, как у Аякса. Золотистая кожа, тронутая солнцем. Тело облепило короткое чёрное платье, а поверх него – распахнутое приталенное пальто. Либо она не так восприимчива к прохладе, либо только что из машины. Высокие каблуки подсказывали, что второй вариант ближе к истине. На лице девушки отразилось раздражение, пальцы стиснули дорогой клатч.

– Деда! Что здесь делает человек?!

– Всё в порядке, Мейв, – заверил Аякс, а после обернулся ко мне. – Это моя внучка – Мейв.

Значит, и она из Дома Гордыни. Благо не из Дома Гнева, но говорят, что у девушек с кровью Гордыни весьма вспыльчивый нрав.

– Пусть убирается! Ты знаешь, что они – неблагодарные крысы! Вспомни, что произошло в последний раз, когда

ты пригрел человека! – возмутилась Мейв, прожигая меня ненавидящим взглядом.

Я ответила ей таким же, хладнокровно выслушав сравнение с обитателями помоек.

– Она ученица Коллинза, – защитил меня Аякс.

– Ах, этот? Что ж ты сразу не сказал, деда? – сладким голосом пропела Мейв, отчего Аякс расплылся в виноватой улыбке, явно не ощутив очевидный сарказм. Улыбка теневого померкла, когда Мейв и его одарила недовольным взглядом. – Коллинз! Этот никчёмный профессоришка от даориев тобой пользуется! Говорила тебе, что так и будет! Его ты до коллекции допустил, а теперь он приглашения в твой дом всем подряд раздаёт! Человеческий паразит! – рявкнула Мейв.

Среди людей есть ненавистники теневых вроде тех же фанатиков, но в большинстве своём такие, как я. Относятся к нашему соседству с сомнением, но без открытой неприязни. Однако я впервые встретила палагейца, столь негативно настроенного против моей расы. В конце концов, здесь силком никто никого не держит и в любой момент недовольные могут вернуться в свой мир.

– Я говорила тебе, деда, что ты слишком к ним добр!

Я с изумлением уставилась на Аякса. Он напоил меня снотворным, одаривая улыбкой, которая временами вызывала желание сбежать, и это его Мейв назвала «слишком добрым»?

– Выметайся! – Мейв грубо схватила меня за локоть и поставила на ноги.

Все возражения вылетели из головы, которая закружилась от резкого движения, и я пошатнулась. Аякс поднялся следом.

– Подожди, Мейв. Помнишь, Коллинз говорил, что так невежливо, – встрял Аякс, и я разочарованно вздохнула, ведь в разговоре мы только подошли к самому интересному. – Он упоминал, что люди обязательно прощаются.

Нет, он это серьёзно?

– До свидания, Кассия-человеческое-дитя, – чинно склонив голову, попрощался Аякс. – Приходи ещё, в следующий раз я приготовлю чай покрепче.

Я разинула рот, не веря, что он считает это нормальным.

– Ну, хватит! – вышла из себя Мейв и с небывалой лёгкостью выволокла меня в первый зал.

Опомнившись, я вырвала руку из её хватки.

– Я могу идти сама.

Мейв выше ростом, плюс каблуки, но я расправила плечи и упрямо встретила её взгляд. Аякс за нами не пошёл, а теньевая угрожающе придвинулась ко мне.

– Попытаешься обмануть или что-то украсть у моего деда, воспользовавшись добротой стосорокалетнего старика, и я скормлю тебя эриниям, – угрожающе процедила она.

Мейв даже не моргнула, говоря, что отдаст меня на растерзание свирепым созданиям, рождённым мраком для ме-

сти. Я сжала челюсти и не позволила себе дрогнуть, хотя секунду назад относилась к тем людям, которые не особо верили в существование эриний. Однако твёрдость, с которой Мейв озвучила угрозу, лишила меня бывшего скептицизма.

Сколько же чудовищ прячется на Переправе?

– Аяксу сто сорок лет? – переспросила я, пытаюсь сбить её с толку своим безразличием к угрозам.

Действительно почтенный возраст. Предел для обычных палагейцев, но Аякс выглядел бодрым. Разве что сильнейшие архонты способны прожить до двух сотен лет.

– Проваливай, – зашипела тeneвая.

Не позволив ей вышвырнуть меня силой, я сама направилась к выходу. Хотя Мейв всё равно удалось оставить последнее слово за собой: она раздражённо пихнула меня в спину и с грохотом захлопнула дверь. Однако я уже не переживала об этом. Появилась проблема посерьёзнее. Время пронеслось быстрее, чем казалось. У Аякса не было окон в гостиной, и я не обратила внимания, что солнце зашло, а сумерки начали сгущаться.

Осознав своё положение, я в страхе прижалась спиной к запертой двери. Может, попросить переждать внутри до приезда такси? Я поморщилась, Мейв найдёт в этом дополнительный предлог для унижения. Услышав просьбу, она с ещё бóльшим удовольствием оставит меня снаружи, на территории палагейцев, в тёмное время суток.

Я вскинула голову, оценивая, сколько осталось до завершения сумерек. Может, минут десять, и после станет совсем темно. Нужно выйти на широкую улицу и если не успею добраться до метро, то вызову такси.

Я повесила сумку через плечо и едва не выругалась. Забыла спросить у Аякса про осколок и к кому из представителей палагейцев стоит обратиться. Ладно. Уточню в следующий раз.

Игнорируя нервозность, я оттолкнулась от двери и торопливо свернула направо. Антикварная лавка располагалась в узком переулке. Путь сюда вспоминался смутно: сперва до маленького перекрёстка, потом налево, по проулку прямо и снова направо через дорогу.

Чем плотнее сгущались сумерки, тем быстрее я шагала и чаще оглядывалась. Ранее здесь, в стороне от большой дороги, встречались редкие прохожие, сейчас же вообще никто не проходил. Улочки слабо освещались тусклыми фонарями

с заревом, их было так мало, что мне захотелось побыстрее выбраться на широкий проспект под многочисленные неоновые вывески. Окружающие дома походили на жилые, местами в окнах горел свет. Как назло, ни одного магазина или кафе, в которое можно было бы заскочить.

Я успокоила себя, теснее прижав руку к телу и ощутив наличие пистолета. Нет ничего страшного вокруг. Ухоженные, пустые, тёмные улицы. Мой район и то мрачнее и опаснее вечером. Постоянно доносится чей-то пьяный ор, драки тоже не редкость, потому что рядом переулок с барами, работающими допоздна. Но здесь даже брошенных окурков не видно. Теневые хорошо заботятся о чистоте. *А что, если рассказы о ночных опасностях не более чем лживые байки, чтобы нас пугать?* Внезапная мысль заставила меня замереть.

Я никогда об этом не думала, потому что с детства выучила правило, что от территории палагейцев в тёмное время надо держаться подальше. Сродни незыблемому закону, ставшему частью необходимых условий. Но что, если это хитрый обман, чтобы люди не мешались у теневых под ногами и не бродили вблизи прохода в Палагеду?

– Чтоб их, да это гениально, – одними губами прошептала я и вновь зашагала, но уже без бывшего страха.

Предположение уняло нервозность, и я задышала спокойнее, представляя, что иду по обычному району. *Да где же эта дорога?!* Свернув на какой-то узкий проулок между двумя домами, куда свет едва попадал, я повертелась на ме-

сте, осознав, что заплутала. Поплотнее закуталась в куртку и шарф: становилось холоднее. Пожалела, что не взяла шапку. Всем телом вздрогнула от вибрации, не сразу поняв, что это мой телефон. Тот продолжал мигать, оповещая о приходящих сообщениях, пока я с трудом отыскивала его в сумке, а когда наконец-то достала, случайно обронила упаковку влажных салфеток и осколок Переправы, завёрнутый в тряпицу. Ожерелье недовольно сверкнуло, соприкоснувшись с землёй, и тут же успокоилось.

– Что же мне с тобой делать? – вслух пробормотала я скорее самой себе и бережно спрятала осколок обратно в сумку.

Пролистала сообщения от Сирши: та написала, что задерживается на работе. Я быстро набрала ответ, что еду домой, и хотела открыть карту на телефоне, чтобы понять, где нахожусь, как сзади послышались шаги.

Обернувшись, я замерла и погасила экран, надеясь, что меня не заметят, но этот кто-то появился из-за угла и свернул в мою сторону. Я задержала дыхание, не зная, видит ли меня незнакомец, потому что сама различала только его силуэт.

Он замер, шумно втянул носом воздух, а следом припал к земле, будто решил обнюхать и её. Меня бросило в жар и сразу в холод. Горло сдавило и всё тело напряглось, когда мысли испуганно разбрелись по углам, оставив меня один на один с пустой головой и дурным предчувствием. Выгнув спину, *это* перестало походить на человека, издало странный стрекочущий звук, а потом высокий вопль, от которого

зазвенели стёкла. По телу прокатилась волна неконтролируемого озноба, я отшатнулась, развернулась и бросилась бежать.

Никогда не считала себя слабой, но предательская дрожь в коленях сильно подводила. Меня шатало из стороны в сторону, я удираю так быстро, как могла, но ноги временами заплетались. Я зацепилась за неровно уложенную дорожную плитку и чуть не рухнула. Обернулась пару раз: непонятное существо гналось за мной. Стоило мне увидеть, что эта тварь бросилась на стену, царапая кирпич когтями, как я в ужасе вскрикнула, поскользнулась на луже и всё-таки упала на асфальт. Не обращая внимания на прострелившую бедро боль, я тут же вскочила и свернула в ближайшую подворотню, но и там едва не навернулась, задев мусорный контейнер. Ладони вспотели, тело стало ватным, неподатливым, а каждый шаг требовал в два раза больше усилий.

Я дёрнулась в левую сторону и через сто метров увидела выход на более широкую яркую улицу. С надеждой ускорила бег, но вопль твари раздался совсем близко. Звук был столь ужасен, что я закричала от боли в ушах. Внезапный толчок и последующий мощный удар о кирпичную кладку выбили весь воздух из лёгких. Сердце надрывно колотилось, перед глазами всё плыло, и я, потеряв ориентацию, начала заваливаться у стены.

Тварь схватила меня за шею и вздёрнула обратно, оторвав от земли. Я попыталась ударить существо в лицо, но оно ког-

тиями вцепилось мне в запястье левой руки, протыкая кожу. Если бы не сдавливающие моё горло пальцы, я бы завопила, а так лишь хрипела, борясь за каждый глоток воздуха, и сквозь белые пятна перед глазами старалась разглядеть, что это за тварь. Ростом с крепкого мужчину, но конечности слишком длинные, а вместо лица постоянно изменяющиеся черты, словно его кожа и образ сотканы из податливой субстанции. Существо несколько раз ударило меня спиной о стену, пальцы сильнее сжали горло. Правой рукой я пыталась разжать хватку, пока раненая левая, казалось, онемела...

Повсюду пламя. Опалённые волосы скрутились, глаза слезились, а лёгкие сдавило от попавшего в них дыма. Огонь уже пожрал кровать, шкаф и всю имеющуюся мебель. Мне некуда бежать.

Пожар распространился волной по потолку.

Послышался чей-то вопль.

Я закричала в ответ, видя, что пламя почти добралось до правой руки, а следом кто-то рухнул сквозь потолок прямо на меня, и пол под ногами исчез. Я визжала, думая, что пол моей комнаты на втором этаже проваливается. Чувство падения ужаснуло не меньше огня, однако приземление вышло мягким. Я вновь стояла, но теперь уже на первом этаже, а потолок над нами был цел, если не считать режущего вокруг пламени.

Мужчина передо мной не обращал внимания на окружающий пожар, а горячие языки, коснувшиеся его спины, внезап-

но стали чёрными. Неестественный цвет перешёл от одного очага к другому, пока весь огонь, поглотивший гостиную, не стал серым и чёрным, сотканным из дыма. Пламя продолжало вести себя как огонь, но больше не причиняло боли и не ревело, напоминая кино, у которого резко выключили звук. От перемены у меня звенело в ушах, я не слышала своего дыхания, лишь ощущала привкус копоти на языке.

Мужчина посмотрел на меня, будто не понимал, что я такое. У него были чёрные волосы до середины шеи. Он не моргал, а зрачки на фоне серой радужки пугающе сузились. Взгляд нелюдимый, напоминающий дикое животное.

Обычно взрослые наклонялись, чтобы наши лица оказались на одном уровне, но этот взял меня под мышки и поднял на свою высоту. Держал без видимых усилий и разглядывал, как если бы видел ребёнка впервые.

Я начала визжать и брыкаться, заметив, что лицо твари зарябило, изменяясь. Из лысой головы стремительно выросли чёрные волосы. Существо крало мои сны, копалось в них и копировало образ того жуткого незнакомца. Придя в ужас, я вслепую потянулась за пистолетом. Захрипела, хватаясь за остатки сознания, а как только мне удалось упереть дуло в тело твари, без раздумий нажала на спусковой крючок.

Звуку выстрела вторил болезненный вопль. Существо с визгом отшатнулось, а я упала на асфальт и закашляла, силась глотнуть немного воздуха. Лёгкие горели, горло саднило.

Вслед за страхом пришёл гнев. Он накатиł волной, внутри нарастало давление, и меня охватил жар. Я вскочила на ноги и подняла пистолет. Выстрелила, но в этот раз существо бросилось бежать, а пуля попала в стену. Из моего горла вырвался яростный вопль, я выстрелила ещё не меньше пяти раз, желая уже не просто спастись, но пристрелить эту дрянь, посмевавшую рыться в моей голове. Тварь скакала зигзагами, уклоняясь от пуль, но из-за первой раны на асфальте оставался кровавый след.

Ярость настолько завладела сознанием, что я подумала броситься следом, но за спиной раздался цокот... копыт? Я обернулась, и какая-то девушка вцепилась в мои плечи. Глаза горели демоническим светом, а зубы были острее, чем должны быть у человека. Я торопливо попятилась, но почти сразу упёрлась спиной в стену. Тело сковало от ужаса, когда я её узнала.

Эмпуса. Демон, любящий душить и сосать кровь. У неё копыта вместо ног. В сознании всплыли уроки мифологии. Мы проходили бестиарий палагейцев и даориев. Против эмпусы помогает яшма, но денег на такие украшения у меня не было, да и, изучая бестиарий с зарисовками, решила, что эти создания если и встречаются, то исключительно на Переправе среди кошмаров.

Эмпуса раскрыла рот, намереваясь впиться мне в шею, и я впихнула дуло ей в глотку, не зная, как ещё защититься. Та завизжала и отшатнулась, её кожа зашипела от соприкос-

новения с металлом.

Это всё какое-то наваждение. Аттракцион ужаса или иллюзия.

Может, снотворное Аякса подействовало и я вижу желанные им кошмары?

Эмпуса с разъярённым воплем бросилась вперёд, щёлкнула челюстями у моего лица, но кто-то в последний момент оттащил её назад на пару шагов. Воспользовавшись заминкой, я вскинула пистолет и пустила твари пулю прямо в лоб. Щека и светлые волосы Микеля окрасились каплями чужой крови. Рука с занесённым мечом замерла, так и не успев нанести удар. На лице лучезарного отразилось удивление пополам с неподдельным шоком. Мёртвая эмпуса рухнула на асфальт. Я привычным движением сняла палец со спускового крючка, убрала оружие в кобуру и лишь после тяжело привалилась к стене, чтобы сползти по ней.

– Эй, Кассия, верно? – обеспокоенно прошептал Микель, оказавшись на коленях передо мной. – Я тебя помню. Подруга Сирши.

Я скорее уронила голову, чем кивнула. Меня лихорадило так, что всё тело вибрировало. Микель сжал мои плечи в попытке успокоить.

– Деклан, бегом сюда! – рявкнул он в сторону, а повернувшись ко мне, вновь заговорил успокаивающим голосом: – Всё хорошо, Кассия, ты молодец. Но тебе не стоило здесь быть. Ты видела ещё кого-то?

Словно сквозь вату я слышала другие голоса. Мужской и женский. Шаги. Они торопились к нам. Я опять кивнула в ответ, невидящим взглядом шаря по кровавым разводам на лице Микеля, но тот не обращал на них внимания.

– Куда эта тварь делась, Кассия?

– Я её... ранила, – хрипло выдавила я и дрожащим пальцем указала в направлении, куда убежало первое существо.

– Она ранила онира? Микель, девчонка бредит! Быть такого не может, – раздался мужской голос рядом, и я подняла глаза, но кроме крепкой фигуры ничего не разобрала.

Ониры. Так называют ожившие сновидения, рождённые Никтой – богиней ночного мрака. Они скорее низшие создания, могут копировать и олицетворять как обычные сны, так и жуткие кошмары. Онир вытягивал мои сны, питался ими. Меня передёрнуло. Надеюсь, демон сдох где-нибудь в подворотне от моей пули.

– Деклан, она в шоке. Отнеси её в машину, а я разберусь с ониром, – приказал Микель, и чьи-то руки подняли меня как безвольную куклу.

Лучезарный побежал в указанном мной направлении. В желудке замутило, голова закружилась от перемены расположения. Левая, раненная ониром рука ощущалась какой-то заледеневшей.

– Эмпуса успела налакаться человеческой крови? – встрял насмешливый женский голос.

Кто-то шёл рядом, но не было сил посмотреть. Голова на-

чала гудеть, и я прикрыла глаза, позволив Деклану нести меня дальше.

– Эта девчушка эмпусе башку прострелила, – поделился он.

– Эта?! Да ты шутишь!

– Иди посмотри, Ви. Дыра прям между глаз.

Они либо не понимали, что я в сознании, либо их не заботило, что я могу слышать обсуждение.

– Приятельница Микеля? – спросила Ви.

– Похоже на то. Сказал, что знает её.

– Мы познакомились в клубе, – сипло ответила я и открыла глаза, головокружение немного унялось.

– Знакомство в клубе? Обычно Микель разборчивее, – выдала девушка, но, несмотря на сказанное, издёвки я не ощутила.

Вокруг стало чуть светлее благодаря ближайшему фонарю. Деклан донёс меня до машины. Тёмная, какой-то дорогой марки, но это всё, что я поняла, прежде чем парень усадил меня на заднее сиденье, а после залез сам. Девушка заняла место водителя.

Я зашипела, прижав ладонь ко лбу. В голове по-прежнему звенело, пока тело вибрировало от сдерживаемого гнева. Мне хотелось отыскать онира и разодрать на части.

– Если соберёшься заблевать нашу тачку, то подай знак, я вытащу тебя наружу, – с беспокойством пообещал Деклан, но я бросила на него тяжёлый взгляд, не понимая: его забота

относилось к чистоте в машине или ко мне. Скорее всего, к первому.

– Всё хорошо, – сдавленно заверила я, начав дышать чуть медленнее. – Вы теньевые или лучезарные?

Девушка звонко рассмеялась, включила верхний свет и повернулась к нам. У неё были ярко-красные волосы, собранные в высокий свободный пучок, и светло-карие глаза. С россыпью веснушек и округлыми щеками, она казалась младше меня, но это определённо обман. Она надула пузырь жвачки, тот громко лопнул, и я её узнала. Барменша в «Святынище греха».

– Разве мы похожи на лучезарных? – обнажив зубы в насмешливой улыбке, уточнила она.

– Будто внешне вы чем-то отличаетесь, – растеряв любой страх, бросила я.

– Твоя правда.

– Мы палагейцы, – подсказал Деклан, и я догадалась, что это тот самый охранник в клубе и друг Микеля, которого упоминала Сирша.

Ростом и шириной плеч он превосходил всех знакомых мне мужчин, но лицо было добродушным. Он выглядел старше своих спутников, с щетиной и морщинками на лбу от часто приподнимаемых в удивлении бровей.

– Меня зовут Деклан, а это Авила.

– Приветтики, – дружелюбно махнув рукой, отозвалась барменша, не прекращая на меня глазеть.

– Кассия, – смягчив тон, представилась я. Всё-таки они вытащили меня из переделки. – Не знала, что даории и палагейцы дружат.

– Редко, но бывает. Да и Микель милашка, жаль было его на растерзание наших оставлять, – Авила мечтательно вздохнула, напомнив какую-нибудь первокурсницу, сохнущую по знаменитости.

Уточнить мне не удалось. Водительская дверь открылась, и чья-то рука выдернула Авилу из машины. Та взвизгнула от неожиданности, слышались звуки борьбы и громкие ругательства. Деклан потянулся к своей двери, чтобы выйти, но та распахнулась раньше. Парня выволокли с невообразимой лёгкостью для его телосложения. Горло сдавило от нового приступа страха. Я попыталась отползти подальше по заднему сиденью, но кто-то схватил меня за ногу и бесцеремонно потащил наружу. Гнев и инстинкт самосохранения затмили все мысли, и как только половина моего тела оказалась на улице, я начала брыкаться. Несколько пинков достигли цели, а последний угодил незнакомцу между ног. Он закричал и согнулся, привалившись к кирпичной стене в нескольких шагах за его спиной. Не мешкая, я достала пистолет и направила его на мерзавца, уже сама вылезая из машины.

– Не смей меня трогать, – из-за боли в горле фраза прозвучала менее угрожающе, чем хотелось.

В ответ незнакомец простонал, едва держась на ногах. Я застыла, а пылающая ярость сменилась ледяной дрожью, ко-

гда дуло чужого пистолета упёрлось мне в висок.

Противник надавил дулом сильнее, и мне пришлось наклонить голову набок. Оружие в моей руке задрожало, но эти двое, похоже, заодно, и стоящий напротив находился слишком близко, чтобы я промахнулась.

– Он на предохранителе? – чересчур спокойно осведомился мужской голос сбоку.

Вместо ответа я обругала про себя привычку к технике безопасности и демонстративно переместила палец, правильное уложив на спусковом крючке. Собеседник отреагировал сухим смешком.

– Если опустишь оружие, тебя никто не тронет, – заверил он.

Мне хотелось скосить взгляд, но дуло у виска предостерегало. Стоящий напротив вновь захрипел и, преодолевая боль, выпрямился. Вряд ли я попала прямо по яйцам, иначе он бы уже выл на земле, вероятно, ударила в бедро где-то опасно близко.

– Ты как, Элион? Живой? – с неприкрытой издёвкой поинтересовался голос, и у меня пересохло во рту.

– Элион? – сдавленно уточнила я, и парень напротив поднял зелёные глаза. На смену боли на его лице пришло удивление.

Я ударила племянника архонта.

– Мне не нужны мозги Элиона на стене. Если не можешь опустить ствол, то сними палец с крючка, – строго сказал противник сбоку, и он был прав.

Ужас сковал мои мышцы, пальцы непроизвольно дрожали, выдавая тремор. Я сглотнула, испугавшись, что могу пристрелить Элиона по чистой случайности. Выслушав приказ, с трудом, но я разогнула палец и убрала со спускового крючка.

– Хорошая девочка, а теперь подними дуло вверх. Хватит в него целиться, – тем же собранным тоном велел незнакомец.

Я подчинилась. Стоило снять Элиона с прицела, как пистолет был вырван из моих рук, а дуло прекратило давить на висок.

– Я тебя знаю, – пробормотал племянник архонта. – Ты девушка из клуба. Кажется, ты искала Кая. Или приняла меня за него.

– Я не искала Кая, – защитилась я.

– Ну, тогда поздно, потому что ты его нашла, – буркнул он и сделал несколько шагов к машине, походка вышла скованной. Я нехотя повернулась к незнакомцу.

Кай оказался совсем не таким, каким я его представляла по обрывкам фраз. На вид старше Элиона, но ненамного, светлые волосы цвета кофе с молоком аккуратно зачёсаны назад, а чисто выбритое лицо лишено каких-либо эмоций. Высокий, хорошо сложен. Я с недоумением осмотрела его чёрный костюм. Даже рубашка тёмная. Всем своим ви-

дом он напоминал наследника главы какой-нибудь корпорации, из тех, кто обычно красуется на обложках глянцевого бизнес-журналов.

Кай лишь раз окинул меня взглядом серых глаз и протянул мой «Глок» рукоятку вперёд, но предусмотрительно дулом в сторону.

– Спрячь в сумочку, – фраза была откровенно пренебрежительная, но он выдал её настолько равнодушным тоном, что я не смогла решить, намеренно ли она такой вышла.

Я демонстративно убрала пистолет в кобуру под мышкой. Кай заметил, но не проявил и капли заинтересованности. Он раскрыл пиджак и сложил свою «Беретту» в кобуру.

– Разве палагейцы могут использовать огнестрельное оружие? – спросила я, зная, с каким презрением они относятся к тому, что может их убить.

– К несчастью, меч не подходит к костюму, – равнодушно ответил Кай, уже не глядя в мою сторону, тем самым вновь заставив задуматься, насмехается ли он надо мной.

– Эй!! Элион, прикажи своим псам уgomониться! – раздался раздражённый голос Микеля.

Моё тело обмякло, и я привалилась к машине, позволив себе расслабиться. Лучезарный приближался уверенным шагом, за копыто таща по асфальту убитую мной эмпу. Я плотнее сжала губы, ощутив, как желчь подобралась к горлу. Элион пошёл к нему навстречу и весело присвистнул, глядя на тело существа.

– Убери руки от Авилы! – строго обратился лучезарный к кому-то.

Я обернулась. Длинноволосая девушка, прижав Авилу лицом к капоту машины, давила ей предплечьем на горло, вынуждая оставаться смирной. Барменша брыкалась и шипела, пока вторая шептала ей какие-то угрозы на ухо. Почувствовав моё внимание, девушка подняла взгляд, и я едва сдержалась от разочарованного стоны. Лицо Мейв исказилось неприязнью. Она отбросила Авилу, потеряв к ней интерес.

– Опять ты!

– Тише, Мейв. Всё хорошо, – примирительно встрял Кай, впервые в его голосе проскользнула хоть какая-то интонация, и теневая захлопнула рот, проглотив всё, что хотела сказать.

– Где Деклан? – хмуро спросил Микель у Элиона, который нацепил расслабленное выражение лица.

– Он в норме, валяется за машиной в отключке. Дурман слабый, его быстро отпустит, – выдал теневой, будто происходящее абсолютно обычное дело.

В ответ Микель обругал его. Элион проигнорировал и наклонился над телом эмпусы. Растрёпанная Авилла с ненавистью смотрела на Мейв, которая пыталась испепелить меня взглядом, а Кай продолжал стоять рядом, явно подозревая, что я могу дать дёру.

Хочу домой.

Сирша будет переживать. Надо написать ей, что всё хорошо.

Хотя это ещё под вопросом. Кто знает, что теневые делают со свидетелями произошедшего в их районе. От тревожных мыслей я даже не дёрнулась, лишившись каких-либо эмоций после пережитого.

Я всем телом налегла на машину, ноги подламывались, и мне нестерпимо захотелось сесть. В ушах поднялся умиротворяющий монотонный шум, перекрыв бóльшую часть остальных звуков.

– Кто уложил эмпусу? Ты не... пушку, – деловито уточнил Элион.

– Не я. Её... Кассия.

Я заморгала, услышав своё имя, и ощутила многочисленные взгляды, но половина разговора ускользнула от моего сознания.

– На неё... онир. Образ кошмаров. Нашёл... кровь и следы, но тело...

Я тряхнула головой, пытаясь сбросить дурман, мешающий разобрать слова Микеля. Кто-то подхватил меня, когда всё накренилось. Я вяло отмахнулась, но чужие руки ощупали моё лицо, оттянули веки, пальцы сжали подбородок, не давая дёргаться.

– Кас... сия.

Из горла вырвалось шипение, мысли немного прояснились из-за острой боли в руке. Зрение обрело чёткость, поз-

волив различить Кая, сжавшего моё левое запястье. Он намеренно сдавил, и кровь из оставленных ониром порезов сильнее потекла по пальцам.

– Кто это сделал, Кассия? – строго спросил Кай, его взгляд исследовал моё лицо, пока я морщилась от боли.

– Онир, – выдавила я, силясь вырвать руку. – Могу я... пойти домой?

Губы Кая напряжённо сжались, между сведёнными бровями пролегла морщинка. Я вздрогнула, когда Кай вновь заговорил после затянувшегося молчания.

– Микель, запихивай эмпусу в... багажник. Авила, за... разберусь с Декла... Элион, возьми девчонку и... в нашу машину, – властно приказал он. – Мейв, садись за руль, и отправляйтесь к...

Продолжения я не услышала, отключившись на мгновение. Похоже, голова запрокинулась, и удар затылком о тачку вернул меня в сознание. Земли я так и не коснулась, Элион взял меня на руки и побежал.

Дальше мир только качался, наполнившись звуками чужого дыхания, урчанием двигателя и ощущением кожаной обивки под щекой. В машине пахло кофе и дорогим мужским парфюмом. Мейв и Элион переругивались, что-то напряжённо обсуждали, пока я безвольной куклой валялась на заднем сиденье. Едва не сползла на пол, когда Мейв резко вырулила на широкую дорогу. Стало светлее от многочисленных фонарей, а моё сознание уплывало в какой-то бре-

довый кошмар.

Перед глазами были спинки передних сидений и мелькающие неоновые вывески через стекло. Я моргнула.

И вокруг всё в огне. Чёрное пламя плясало, а незнакомец продолжал держать меня перед своим лицом.

Моргнула. Мейв проскочила на красный свет светофора под возмущённые гудки других водителей.

Моргнула.

Незнакомец с чёрными волосами, не опуская меня на пол, понёс на выход из горящего дома. Он прошёл сквозь чёрный огонь, как сквозь что-то ненастоящее, а затем через стену. Та для него стала сумрачным туманом, а за его спиной снова затвердела, вернув себе первоначальный вид.

– Эль, набери... Скажи, чтобы подгото... лабораторию. Мы прибудем через... минут, – голос Мейв то пропадал, то появлялся.

Моргнула.

Тёплый воздух показался сладким после дыма и гари. Вокруг орали сирены, но мужчина нёс меня дальше сквозь ограды, деревья и стены других домов, будто в его мире препятствий не существовало. Я начала рыдать и истерично биться в его руках.

Визг тормозов, и меня резко бросило вперёд. Из горла вырвался стон от удара о спинку переднего сиденья.

– Видишь. Она ещё живая, – заявила Мейв, отстёгивая свой ремень безопасности.

– И она должна такой остаться! – возмутился Элион.

Двери открылись, меня опять вытащили на свежий воздух, и я жадно вдохнула. Широко распахнутыми глазами таращилась на подбородок Элиона, пока он нёс меня на руках. Было страшно моргнуть и снова провалиться в кошмар. Мы прошли стеклянные двери и попали в ярко освещённое помещение.

Дальше всё смешалось в размытом сиянии слепящих ламп и чужих голосов. Они то ругались, то тихо переговаривались. Меня передавали из рук в руки, я очутилась в каком-то кресле. Глаза слезились от сухости, всё тело тревожно вибрировало. Я сдалась, опустила веки и больше не смогла их поднять.

* * *

– Хорошая работа. Спасибо за помощь, вы свободны.

Послышались неразборчивые ответы, затем удаляющиеся шаги. Кто-то подошёл ближе, и я дёрнулась от боли в руке.

– Всё хорошо. Это просто укол, – пояснил незнакомый мужской голос, и я почему-то была уверена, что это он мне.

Потребовалась пара попыток, чтобы всё-таки поднять отяжелевшие веки. Затуманенное зрение не сразу приобрело чёткость.

– Вот так, молодец. Ты меня понимаешь? – Мужчина отложил использованный шприц в металлический контейнер.

Я сосредоточила внимание на собеседнике. Взрослый мужчина, аккуратно убранные чёрные волосы, чисто выбритое привлекательное лицо, в серо-голубых глазах отражались остатки беспокойства.

– Опиши, что ты видишь, – попросил он, когда моё молчание затянулось.

Несколько раз я облизала пересохшие губы.

– Я вижу Дардана Хилла, – мой голос неприятно скрипел.

Все знают нынешнего владельца компании «Меридий», он красуется на обложках многих журналов, а по телевизору и в социальных сетях обсуждают каждую разработку его фирмы или каждый шаг самого Дардана.

Тот улыбнулся, подтвердив, что ответ верный. Не чувствуй я себя так, будто меня разорвали на части и собрали обратно, то подскочила бы от восторга. Однако получилось лишь сесть чуть прямее в медицинском кресле.

Куртка и свитер пропали, на мне остались джинсы и чёрная майка. Левая рука была забинтована, а к правой прикрепили капельницу. Я ненавидела иглы, мысль об одной из них, воткнутой в мою кожу, тут же привела в чувство и заставила замереть на месте.

– Ещё немного и мы закончим, – заметив перемену, заверил Дардан, и я сосредоточила внимание на нём. – На тебя напал онир, а их когти ядовиты для представителей всех трёх миров. Они заражают кошмарами. Без своевременной помощи человек вовсе впадает в кому, у него начинается приступ,

и он умирает. По статистике есть около часа, чтобы оказать жертве помощь. Мейв и Элион успели, – словно озвучив привычный инструктаж, рассказал Дардан и развернул закатанные рукава белой рубашки.

На правом предплечье красовался светлый ахакор. У меня не возникло ни единого сомнения, что это платина или же белое золото. В отличие от многих людей татуировка тянулась не только по предплечью, но спускалась ниже, по тыльной стороне ладони к пальцам. Влиятельные персоны предпочитали демонстрировать свой достаток сразу, при рукопожатии.

– Проблема была в том, что часть обломанного когтя осталась в руке, – продолжил Дардан, и я прекратила таращиться на его ахакор. – Пришлось немного разрезать, чтобы извлечь, но мои врачи – мастера своего дела. Зашили аккуратно, и при правильном уходе шрамов не должно остаться. Мы также взяли твою кровь на анализ, чтобы убедиться, что отравление нейтрализовано. Эту процедуру стоит повторить на следующей неделе.

Я растерянно посмотрела на забинтованную руку, догадываясь, что в моей капельнице ударная доза успокоительного, потому что не ощутила тревоги при мысли о заражении неизвестно чем.

– Ты понимаешь?

– Да. А укол? – едва слышно пробормотала я.

– Укол – это второй компонент противоядия. Не обяза-

тельный, но на всякий случай. Микель не сумел найти равнившего тебя онира, а яд некоторых особей отличается. Моя компания работает в двух главных направлениях. Технология и развитие медицины. Также я сотрудничаю с палагеями и даориями. На данный момент местным представителем Палагеды является Элион, а Даории – Микель, который как нельзя лучше подходит для помощи в разработках моей компании.

– Потому что он из Клана Металлов?

– Верно. Элион и Микель регулярно привозят мне образцы разных созданий, и мы совершенствуем антитоды или находим другие способы лечения.

Дардан говорил кратко, подробно и уверенно. Как настоящий глава крупной компании, имеющий ответы на все возможные вопросы по поводу своей продукции.

– Образцы?

Впервые он немного замялся.

– Кай приказал уложить эмпусу в багажник, – припомнила я.

– Неплохой образец, – подтвердил мои мысли Дардан. – Микель сказал, что это ты её застрелила. Хорошая работа. Мы уже изучали эмпусу, но обновить данные не помешает.

– И часто такое происходит?

– Какое «такое»? – Дардан то ли не понял, то ли притворился.

– Нападения демонов или существ с Переправы?

– Сейчас, конечно, редко, но случаются. Элион и Микель хорошо следят за территорией, да и люди остерегаются лезть в местность, близкую к Переправе.

– Всё-таки предубеждение о посещении района не просто байка?

– Нет, прилегающие к проходу улицы действительно опасны.

Один из преподавателей рассказывал, что от Эреба и Никты родилось множество разных существ. И богам удалось согнать самых жутких на Переправу, чтобы те не представляли угрозы для самих палагейцев, но после открытия прохода к нам твари стали выбираться наружу. Именно поэтому наши власти весьма охотно отдали прилегающую территорию представителям Палагеды, чтобы те сами следили за всем, что пытается проникнуть в Санкт-Данам.

Ни в учебниках, ни в архивных документах не было официальной информации, подтверждающей эту теорию. И в новостях я не видела упоминаний о мифических чудовищах, разгуливающих по городу. Да, были убийства и пропавшие без вести, но никогда это не приписывалось существам с копытами или тварям с меняющимся лицом.

– Но это единичные случаи, к несчастью, тебе не повезло попасть в один из них, – пояснил Дардан. – Всё лечение за наш счёт, и надеюсь, мы сможем договориться и сохранить произошедшее в секрете. Не хотелось бы паники. Уверяю, что палагейцы хорошо справляются с задачей и сами отлав-

ливают сбежавших с Переправы тварей прежде, чем те доберутся до людских районов. Тебе...

Дардан не успел закончить: в помещение вошёл Кай. Он одарил меня оценивающим взглядом и обратился к Дардану:

– Похоже, всё в порядке.

– Да, хорошо, что ты быстро догадался об отравлении, – ответил Дардан, вытащил катетер капельницы из моего предплечья и заклеил пластырем.

Как и в том переулке, Кай продолжал выглядеть собранным и абсолютно равнодушным. Единственной погрешностью его идеального образа были плохо смытые разводы на пальцах. Скорее всего, следы моей крови.

Кай отрывисто кивнул и вновь скрылся за дверью.

– Пойдём, Кассия, – позвал Дардан, поддерживая меня под локоть, пока я вылезала из глубокого кресла.

От звуков моего имени из уст столь влиятельного человека я лишилась дара речи и не смогла сказать, что помощь необязательна, он и так уже сделал достаточно. Хотя, встав на ноги, я не оказалась лицом на полу лишь благодаря крепкой хватке Дардана.

Миллиардер сопровождал меня по коридору и, похоже, привёл в собственный кабинет. Мраморный пол с дорогим ковром, терракотовый оттенок стен, стильная обстановка в чёрных и серых тонах. Массивный тёмный стол был единственным тяжеловесным предметом мебели и сразу притягивал внимание, а позади целая стена состояла из огром-

ных окон, которые открывали умопомрачительный вид на ночной Санкт-Данам. Город сверкал неоном, светом уличных фонарей и движущимися фарами машин, маня притянуться к стеклу и рассматривать вечно оживлённые проспекты. Несмотря на восторг от красоты, подходить ближе я не намеревалась. Руки похолодели при осознании, что мы минимум на сороковом этаже. С высотой я никогда не дружила. Стоять вот так на безопасном расстоянии от края было нормально, но от поездок на лифте вверх или вниз в стеклянных высотках становилось дурно.

В помещении нас дожидались Элион, Микель, Кай и Иво. При виде последнего я вяло улыбнулась. Знала его едва ли дольше Элиона и Микеля, но в отличие от остальных, Иво казался роднее, потому что посещал лекции мистера Коллинза.

– Твоя одежда там, – Дардан указал на аккуратно сложенные куртку и свитер на одном из кресел. – Мой секретарь попыталась очистить настолько, насколько это было возможно за имеющийся срок.

– Сколько я здесь? – спохватилась я.

– Часа три, не меньше.

Кровь отлила от лица.

– Мне пора домой, – испуганно залепетала я, натягивая свитер.

– Я отвезу, – вызвался Иво.

– Отвезёшь, после того как она ответит на вопрос, – доба-

вил Кай, и я замерла, глядя, как Иво моментально опустился обратно в кресло, из которого только что встал.

Безропотное подчинение. Похоже, Кай действительно его начальник. Я насторожилась, не настроенная на допросы, а, судя по всему, разговор с этим тeneвым другом и не будет.

– Что с твоим ахакором? – хмурясь, спросил Элион, и все заметно напряглись в ожидании ответа.

Дардан Хилл надел пиджак на рубашку и, сев за стол, быстро проглядел какие-то документы.

– Почему твой ахакор имеет два цвета? – конкретнее уточнил Микель, также не спуская с меня глаз.

Сперва я промолчала из упрямства, так как это не их ума дело, но и секрета никакого не было, поэтому подняла рукав, демонстрируя свой медный ахакор. Ближе к локтю, местами цвет меди приобрёл бледный невзрачный оттенок, а где-то татуировка почернела.

– Пожар, – прямо ответила я. – Медь меняет свой цвет при нагревании. Если присмотреться, то рядом заметны ожоги на коже.

Никто не сделал и шага ближе. Я дала им время изучить ахакор на расстоянии и опустила рукав.

– Она не врёт, – заступился Дардан, отложив документы. – Ожоги уже мало, но различимы, если подойти ближе.

Микель и Элион удовлетворённо кивнули, а Кай и вовсе потерял ко мне интерес, занятый набором сообщений в телефоне.

– Если хочешь, я и Дардан можем это исправить, – предложил Микель. – В его компании разрабатывают смесь для ахакора, и твою татуировку легко скорректировать.

– Спасибо, но не нужно.

Мне несколько раз рекомендовали подобное, но мой ответ остался тем же, однако я дала Микелю высказаться до конца, а свой отказ произнесла как можно мягче, не желая его задеть. Дардан вытащил какие-то таблетки из ящика стола, следом налил в стакан воды и жестом подозвал меня.

– Обезболивающее, – ответил он на мой вопросительный взгляд.

Я выпила лекарство и отдала пустой стакан. Вместо него на столе появился документ.

– Договорённость о неразглашении в обмен на лечение, – пояснил он, когда повисла тишина. Я нахмурилась, ненавидя подписывать какие-либо бумаги, но плата за спасение жизни была небольшой.

Никто не торопил, позволив тщательно ознакомиться с соглашением.

– Понимаю, что ты имеешь право рассказать правду близким. Но сперва убедись, что информация останется исключительно между вами, – смягчил требования Дардан, когда я во все глаза уставилась на сумму штрафа, если проболтаюсь кому-либо в СМИ.

Да мне всей жизни не хватит, чтобы заработать такие деньги. Спина покрылась мурашками.

– Похоже, мы можем отпустить Кассию, – заключил мистер Хилл, когда я нехотя, но поставила свою подпись.

Я схватила куртку, желая поскорее убраться, как вдруг меня осенило, и я замерла.

– Мистер Хилл, – несмело позвала я, стараясь подавить неловкость.

– В чём дело? Ощущаешь боль в руке? – Он закрыл ноутбук и обратил всё внимание на меня. Я замялась и, кажется, покраснела от неподдельного волнения в его взгляде.

– Я благодарна вам за помощь, но раз подписала бумагу, не могли бы вы оказать мне одну услугу? – Это верх наглости, но другого шанса у меня точно не будет.

– Услугу?

– Да. В ближайшие дни моя близкая подруга будет проходить собеседование в отдел социологических исследований при вашей компании. Она мечтает о стажировке именно у вас уже давно и... – моя речь сорвалась, но Дардан не отказал сразу, поэтому я торопливо продолжила: – Я не прошу принять её. Просто... если вам не сложно, присмотритесь к ней. Она очень талантлива и трудолюбива.

Повисла тишина, я обругала себя за настырность и приготовилась извиниться, но мистер Хилл взял ручку.

– Как её зовут?

– Сирша Кейн.

Я едва не подскочила от радости, когда он записал её имя и кивнул.

– Ничего не обещаю, но достойных кандидатов мы никогда не упускаем. – По его губам скользнула улыбка, и он кивнул на дверь: – Тебе лучше отдохнуть.

Я отвернулась, готовая уйти, но не успела сделать и пары шагов, как Дардан вновь позвал.

– Загляни в понедельник около девяти утра. Проверим швы. И как тебя зовут? Мой секретарь проследит, чтобы тебя пропустили на входе, – мистер Хилл занёс ручку над бумагой, намереваясь записать и моё имя.

– Кассия, – ответила я, отступая на шаг к двери.

– Это мне известно. А фамилия?

Кожа куртки сдавленно закрипела под моими пальцами, лицо стало бесстрастным, хотя стиснутые зубы заныли. Присутствующие уставились на меня с недоумением. Даже Кай оторвался от телефона. От многочисленных взглядов захотелось сбежать, но ещё один шаг к двери они заметят. Мистер Хилл нахмурился.

– Кассия. Мой секретарь выяснит это за несколько минут, но мне не хочется добавлять ей работы, – строго сказал Дардан и взял бумагу, которую я подписала ранее. – И здесь ты не оставила фамилии.

Я ничего не ответила, атмосфера стала накаляться. Знала, что без толку скрывать, но по привычке оттягивала объяснение. Многие новые знакомые к этому моменту сдавались, наткнувшись на мой отказ. Неловко смеялись, отмахивались, говоря, что это и неважно. Однако находящиеся здесь, воз-

можно, одни из самых влиятельных личностей в Санкт-Данаме, и я не сомневалась, что секретарь найдёт обо мне всю информацию менее чем за пять минут.

Дардан, не спуская с меня пытливого взгляда, нажал на кнопку голосового вызова.

– Да, мистер Хилл? – сквозь динамик раздался голос молодой женщины.

– Виктория, найди мне...

– Хилл, – выпалила я.

Дардан, как и остальные, выглядел сбитым с толку. Я тяжело сглотнула и повторила для пущей убедительности:

– Кассия Хилл.

– Мистер Хилл? – раздался обеспокоенный голос секретаря, когда молчание затянулось.

– Всё в порядке, Виктория. Ничего не нужно, – опомнился Дардан и убрал палец с кнопки.

– У тебя есть дочь? – спросил Элион у Дардана.

– Нет, – растерянно ответил миллиардер, а затем началось то, что я так ненавижу.

Из-за одной фамилии люди узнают обо мне больше, чем хочется им рассказывать. На лице Дардана растерянность сменилась осознанием, а следом в глазах мелькнуло сочувствие. Он попытался его спрятать, отведя взгляд, и с деланным спокойствием отложил подписанный мной документ в стопку бумаг справа. Однако остальные продолжали смотреть с немым вопросом.

– Я сирота, – пояснила я.

– Ты из приюта Артура Хилла? – быстрее всех сообразил Иво, и я кивнула.

– Это какой-то особенный приют? – уточнил Микель.

– Да, – ответил Дардан.

Он забрал на себя всё внимание, а я смогла выдохнуть, отпустив напряжение. Лишь Кай не отвёл от меня глаз, рассматривая так, будто я для него какая-то неприятная загадка. – Приют основал мой дед – Артур Хилл. Это был один из актов его благотворительной работы. Он построил целый комплекс, включающий школу, библиотеку и небольшую больницу. Обитель смогла одновременно содержать и обучать около трёх сотен детей. Некоторых приносили родители и лично заполняли бумаги об отказе. Других же просто бросали, оставляя у входа. Безымянным сиротам руководители приюта давали фамилию «Хилл». Таким способом пытались выказать почтение и благодарность моему деду. Вероятно, это ему польстило, и он не стал пресекать традицию.

Я стояла, не двигаясь и чувствуя себя экспонатом в музее, о котором рассказывает гид. Однако, несмотря на отвратительное ощущение, молча слушала и терпеливо игнорировала чужие взгляды с привычным отрешённым выражением лица. Годы практики помогли.

Мама Сирши, оставив её в приюте, заполнила все необходимые документы. Поэтому подруга носит её фамилию. Сирша Кейн. Мне повезло меньше, своего настоящего про-

исхождения я никогда не знала.

– При жизни мой дед не ощутил масштаб зарождающихся сложностей, а после его смерти, когда отец заметил проблему, было слишком поздно что-либо менять, – завершил речь Дардан, одарив меня понимающей улыбкой, на которую я едва заметно кивнула.

– Какую проблему? – уточнил Микель.

– Безымянных и брошенных оказалось много. Поэтому количество «Хиллов» значительно выросло. О традиции приюта узнали СМИ, и далеко не всем обладателям новой фамилии это пришлось по душе. Журналисты стали им докучать, просили интервью о жизни в приюте и о трудностях, с которыми они там сталкивались. Довольно часто уточняли о наших родственных связях. Некоторые спекулировали слухами о незаконнорождённых наследниках моего отца и деда.

Я сохраняла притворное равнодушие к услышанному. Навалилась внезапная усталость, зрение поплыло, и я потёрла глаза. Похоже, уже совсем поздно.

– Иво, отвези Кассию. Я дал ей сильное обезболивающее, возможно, она уснёт в машине, – попросил Дардан.

Я открыла рот, чтобы возмутиться. Ему стоило предупредить. Но тело ослабело, а мысли разбрелись, лишив меня желания ругаться. Иво неестественно быстро оказался рядом. *Или так медленно моргнула?*

– Пойдём, Кассия. По дороге назовёшь мне адрес.

Я покачнулась от простого согласного кивка. На лице Иво

отразилась неловкость, он поддержал меня под руку и повёл к выходу. Кажется, он покраснел, когда я затуманенным взглядом продолжила неприлично пристально таращиться на его лицо. Кай и Элион о чём-то заговорили, но смысл сказанного тут же ускользнул. Дверь за нашими спинами закрылась, лишив возможности прислушаться к их беседе.

– Кассия...

Я недовольно замычала в подушку.

– Кассия, – голос оставался мягким, но Сирша настойчиво потрепала меня за плечо. – Просыпайся.

Я с трудом разлепила веки. Всё тело ломило, а левая рука слабо пульсировала от боли. К несчастью, я достаточно отчётливо помнила события прошлого вечера, но абсолютно не представляла, как очутилась в своей кровати.

– Выпей, – Сирша протянула мне таблетки и стакан воды. Приподнявшись на локте, я покорно проглотила лекарство, а затем растерянно осмотрела свою комнату и разбросанные по полу вещи. Джинсы были все грязные. – Тебя привёз тот теньевой. Иво. Сказал, что ты поранилась, и оставил инструкцию по лечению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.